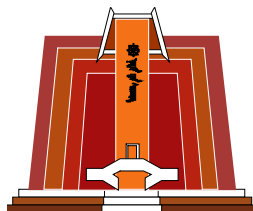

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Центр восточных рукописей и ксилографов

ТЕЗИСЫ
международной научной конференции
**«ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ
ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ - V»,**

THESES
**"WRITTEN HERITAGE OF THE PEOPLES
OF INNER ASIA – V"**
International conference

Улан-Удэ
8–9 августа 2025 г.

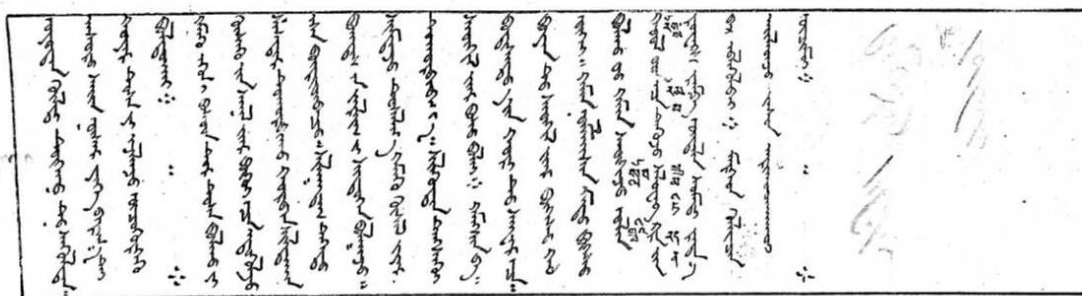
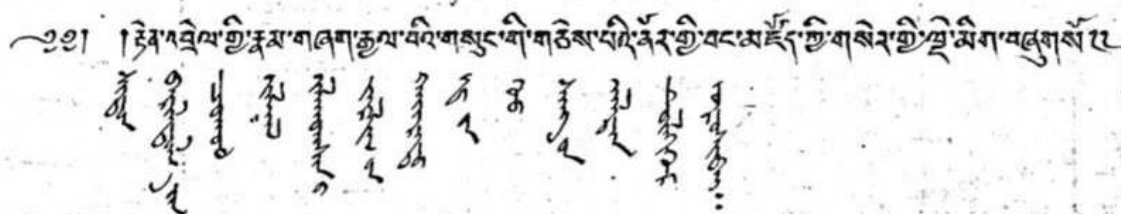
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Наранцэцэг Д.

Номтын Ринчэний монгол хэлээр бичсэн нэгэн зохиолын тухай

Буриадын эрдэмтэн Сумадираднаа нэрээр алдаршсан Номтын Ринчэн нь “Монголчууд хэдийгээр ухаан сэргэлэн, номд мэргэн чадалтай нь олон боловч эх монгол хэлээрээ ном номлох, туурвих, зохиох нь цөөн тул номын хувь багадаж, шашин төдий л дэлгэрэхгүй байна. Номын утгыг мэдье гэвэл юуны түрүүн уншсан зүйлийнхээ утгыг ойлгож чаддаг байх хэрэгтэй, утгыг ойлгосноор сая үндсэнд эш онолын эрдэм төрнө. Үүний тулд номыг мэдье, шашин дэлгэрүүлье гэвэл өөрийн хэлээр номлох, сонсохыг үйлдэх нь юунаас ч чухал” гэж үздэг шинэтгэх үзэлтэн байсан учраас төвөд хэлнээс ном судар орчуулах, төвөд монгол хэлний толь, сурах бичиг зохиох, монгол хэлээр ном зохиол туурвихад онцгой анхаарч байв.

Үүний жишээ болгож Номтын Ринчэний монгол хэлээр бичсэн, “Шүтэн барилдлагын чухам ялгал ялгуусны зарлигийн хайрт эдийн сангийн алтан түлхүүр оршвой” хэмээх орос цаасан дээр гараар бичсэн 47 хуудас судрыг энэхүү илтгэлдээ танилцуулах юм.

Бадмаева Л.Б.

«Особенности языка письменного памятника «Селенгинское уложение 1775 г.»

Литературное наследие бурят на монгольской письменности включает в себя исторические, дидактические, медицинские, филологические, лексикографические, юридические, буддийские, мемуарные и другие сочинения. В эпоху тоталитарного режима многие письменные памятники бурят на старомонгольской письменности были варварски уничтожены; в 30-е годы XX столетия в ходе борьбы с так называемым буржуазным национализмом и панмонголизмом вся литература на монгольской письменности была объявлена антинародной и изъята из обращения. Смена письменности на латиницу, затем на кириллицу в последующие годы привела к полному забвению, как авторов, так и самих памятников. В настоящее время актуальность изучения, издания и переиздания старописьменных памятников бурят приобретает особое звучание. Полагаем, что дальнейшее

развитие современного бурятского языка будет более плодотворным, если будут освоены его истоки. Считаем, что формирование и развитие таких дисциплин, как история бурятского языка, история бурятской литературы, история книжной культуры бурят, история Бурятии во многом зависит от приобщения исследователей и широкого круга читателей к письменному наследию бурят на монгольской письменности. После вхождения Бурятии в состав Российского государства старописьменный язык у забайкальских бурят использовался и для ведения делопроизводства. В уцелевших архивах Хоринской, Селенгинской, Агинской и Баргузинской степных дум сохранился значительный фонд материалов по истории хозяйства и управления бурят, написанных на старописьменном монгольском языке. Кроме деловых писем (отношений, рапортов, уведомлений, донесений, предписаний, челобитных, жалоб, прошений и т. д.), на старописьменном языке составлялись постановления сугланов и официальные сборники обычного права, т. е. степные законы. Так, известны «Согласно принятое положение о правилах бурятского податного народа» (1749), Хоринские уложения 1763, 1781, 1808, 1823 гг., Селенгинские уложения 1775, 1823 гг. и другие юридические документы.

«Писаное право» бурят – это уникальное явление в истории юриспруденции. «Степные законы» составлялись и подписывались на общих собраниях, на которых, в основном, присутствовали представители степной аристократии и буддийской иерархии, владевшие монгольской и русской грамотой.

В условиях общего подъема филологических монголоведных исследований возникло новое научное направление – лингвистическое источниковедение, формированию которого способствовало богатое письменное наследие бурят на монгольском письме.

Ринчинов О.С.

Корпусные исследования бурятских письменных памятников

Бурно развивающаяся в последние десятилетия корпусная лингвистика предоставляет мощные инструменты для текстологических исследований. Важное значение корпусные исследования приобрели в сфере разработки разнообразных NLP-моделей (Natural Language Processing), основанных на нейросетевых алгоритмах искусственного интеллекта. Так, многоязычные параллельные корпуса служат основой создания систем машинного перевода методами машинного обучения.

Важным представляется применение корпусной методологии для изучения бурятских письменных памятников на старомонгольской письменности. Уникальные черты, характерные для указанного комплекса источников, отражают специфику исторического развития бурятской культуры и литературного языка. Формирование бурятского народа происходило в условиях российского административно-правового пространства, в тесном взаимодействии с русской культуры, и эти факторы нашли свое отражение в письменном творчестве бурят. Поэтому изучение бурятских письменных памятников требует особого изучения.

В ИМБТ СО РАН на протяжении многих лет ведутся корпусные исследования бурятских письменных памятников. Начало было положено проектом «Старописьменные памятники бурят как культурное достояние», поддержанного РФФИ в 2018-2020 гг. В рамках этого проекта был создан диахронический корпус бурятского языка на основе произведений бурятских авторов на старописьменном монгольском языке. На первом этапе основное внимание обращено на сочинения, относящиеся к жанру летописей. При организации монгольских текстов в диахронический корпус решаются задачи метатекстовой и лексико-грамматической, в том числе семантической, разметки текстов. На основе корпусных данных создаются дополнительные инструменты, такие как частотные словари, конкордансы, указатели и т.д., которые формируют современную среду исследования текста и связанных с ним контекстов, включая лингвистический и, в случае летописей, исторический.

Расширением ведущихся корпусных исследований с упором на новую методологию искусственного интеллекта стал проект «Параллельный корпус бурятских письменных источников на монгольской письменности: на пути к машинному переводу», поддержанный РНФ в 2024-2025 гг. В его рамках осуществляется перевод ранее неизвестных и малоизученных бурятских сочинений разной жанровой принадлежности и составление на этой текстовой основе параллельного корпуса, нацеленного на разработку модели машинного перевода.

(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00942, <https://rscf.ru/project/24-28-00942/>).

Литература

Ринчинов О.С. Диахронический корпус бурятского языка как цифровой инструмент исторических исследований: подходы, решения, экспериментальные исследования // Историческая информатика. 2020. № 2. С. 26–34.

Базаров А.А.

Тибетоязычная коллекция «Кангьюр» в ИМБТ СО РАН

Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН является одним из крупнейших хранилищ тибетской литературы в мире. Несколько десятков тысяч единиц хранения требуют тщательного научного изучения, описания и создания электронного каталога с открытым доступом. Предлагаемое исследование ставит своей целью проведение комплексного археографического анализа и ввода в научный оборот интереснейшей части данного хранения - коллекции тибетской канонической литературы «Кангьюр». В мировой науке до сих пор отсутствует информация об этой уникальной отечественной коллекции буддийского канона, представленного различными ксилографическими и рукописными изданиями. Выполнение исследования обеспечивает создание фундаментальной библиографической основы для дальнейшего изучения буддийской канонической литературы в стране и мире, демонстрирует элементы внутренней структуры различных изданий тибетского буддийского канона «Кангьюр».

Каноническая литература является текстологическим фундаментом в изучении повседневных религиозных практик в буддизме Внутренней Азии. Поскольку активная общественная роль буддийской сангхи на местах формируется за счет актуализации текстов из Кангьюра, поэтому для понимания книжных реалий местного буддизма необходим комплексный анализ связи канонической литературы и религиозной повседневности буддийской культуры. Данный анализ демонстрирует синхронный и диахронный уровень исторического развития как буддийского канона, так и повседневной культуры буддистов обширного региона.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00275 «Тибетский буддийский канон: комплексное археографическое изучение и создание базы данных»).

СЕКЦИЯ 1

Письменные традиции в истории и культуре народов Внутренней Азии

Бураева С.В.

Палеографические особенности документов Чинданского караула

Палеографические особенности — это характерные черты письма, свойственные определенной эпохе, культуре или типу рукописи. В этом контексте были изучены основные

палеографические параметры комплекса документов Урульгинского суглана из Общего архивного фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН.

Графика письма (форма букв, их пропорции, наклон, лигатуры (соединения букв), наличие надстрочных и подстрочных знаков, а также способы сокращения слов) в целом соответствуют общим тенденциям в русской палеографии 2 четверти XVIII в. Использование монгольской письменности выявлено лишь в нескольких случаях в заверительной части документов (подписи). Выявлено около двух десятков почерков с индивидуальными чертами, характерными для профессиональных и непрофессиональных канцеляристов; таким образом скоропись варьируется от каллиграфической до небрежной. Материалы и орудия письма – вержированная (в ряде случаев – с филигранями и «белой датой») бумага светло-серого и желтоватого цвета, чернила железистые и черные, перо. Украшения рукописей (миниатюры, орнаменты, инициалы) отсутствуют. Документы отражают сформированный к концу XVIII в. вид документа: тетрадная форма и выделенные из текста реквизиты (адресат, автор, вид документа, дата составления и получения, подпись, скрепы, исходящий и входящий регистрационные номера). Ещё одна характерная черта документооборота XVIII в., зафиксированная в документах Урульгинского суглана – оформление запроса и ответа на одном листе бумаге.

Заверительная часть документов в классическом варианте включает подписи и печати; приказы Урульгинского суглана печатей не имеют, однако часть других документов заверена плоскими печатями черного цвета. Остатки сургучных печатей выявлены лишь на адресной стороне «конвертов». Подпись следовала сразу за текстом документа и могла содержать указание должности, имя и фамилию, иногда титул. Документы также подписывались секретарем, копиистом, подканцеляристом и др. В правом нижнем углу листа проставлялись скрепы с указанием должности или чина, имени и фамилии; в левом нижнем углу – дата подписания. Выявлены различия в оформлении приказов, созданных на разных уровнях администрирования.

Изменения в системе наименований документов сформировали и новые принципы оформления деловых бумаг XVIII в.: использование самоназвания документа, упорядочение расположения элементов формуляра, выделение элементов адресата и адресанта, указание даты получения документа. Однако эти элементы не всегда фиксируются в переписке, включенной в изученный блок материалов.

Изучение палеографических особенностей документов позволяет подтвердить время и место создания, идентифицировать автора или писца (копииста) и, в конечном итоге, устанавливать подлинность рукописи.

Кузьмин Ю.В.

Монголовед Н.П. Шастина в воспоминаниях современников

Н.П. Шастина (1898–1980) – известный советский монголовед, историограф и источниковед. Творческое наследие Н.П. Шастиной привлекает внимание современных исследователей. Особую ценность для современной науки имеют ее работы по истории российского монголоведения и опубликованные монгольские источники. Н.П. Шастина опубликовала «Шара туджи» (1957 г.), «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана (1973 г.).

Творческий портрет Н.П. Шастиной, ее вклад в российское монголоведение находится на начальной стадии. Статьи С.Д. Милибанд, К.Н. Яцковской, Ю.В. Кузьмина, Д.В. Дашибаловой, А.Д. Цендиной, Е.В. Ильиной, Д. Цэрэнсоднома, Ж. Урангуа отмечают значительный вклад в российское и мировое монголоведение. Однако многие страницы творческого пути Н.П. Шастиной еще неизвестны: научная деятельность в Монголии 1924–1937 гг., работа в библиотеках Ленинграда 1937–1942 гг., особенно в военные годы, подготовка докторской диссертации по истории российского монголоведения. Оценки Н.П. Шастиной истории российского монголоведения и ее представителей: Н.Я. Бичурина, Д.

Банзарова, О.М. Ковалевского, А.М. Позднеева, В.П. Васильева, Б.Я. Владимирцова носят оригинальный характер и заслуживают внимательного прочтения, особенно научных отношений ее представителей.

Современное монголоведение располагает рядом кратких, но интересных мемуаров о личности Н.П. Шастиной, ее характере и отношениях с коллегами. Обсуждение ее монографии «Русско-монгольские посольские отношения в XVII веке» (1958 г.) в секторе Монголии Института Востоковедения вызвали бурное обсуждение. В воспоминаниях С.Д. Дылыкова, М.И. Гольмана нашли отражение эти события. Наибольшее число воспоминаний о Н.П. Шастиной оставила литературовед К.Н. Яцковская. Опубликованные дневники П.К. Козлова дают лаконичную, но ценную информацию о семье Н.П. Шастиной в Монголии.

В Иркутске в Музее истории города обнаружено уникальное Личное дело студентки Н.П. Шастиной. Представляется, что творческое наследие монголоведа Н.П. Шастиной заслуживает дальнейшего специального исследования.

Нестеркин С.П.

Буддийская доксография в тибетоязычных работах монгольских авторов

В докладе рассматриваются особенности развития доксографической традиции в работах монгольских ученых монахов (Жамьян Шепа, Чанкья Рольби-дорже, Сумба Кенпо, Туган Дхарма-бхадра), ставших классикой литературы центрально-азиатского буддизма. Отмечается, что эта традиция выполняла две основные функции – пропедевтическую и герменевтическую. Первая заявлялась как главная цель сочинений – посредством изложения более простых философских систем подготовить учащегося к восприятию философии собственной школы. Второй, не декларируемой явно задачей, являлась классификация философских учений буддизма в соответствии с тем, насколько полно они отражают замысел проповеди Будды и, соответственно, обоснование превосходства собственной системы над прочими. Взгляды последних рассматривались не как полностью ошибочные, но как неполные, редуцированные варианты учения, со всей полнотой выраженного в философии собственной школы, что позволяет квалифицировать историко-философское учение буддизма как инклюзивистское.

Байгалсайхан С., Бадрангуй Э.

Ордос дахь Саган сэцэний “Эрдэнийн товч”-ийн судалгаа

Саган сэцэн хун тайж 1604 оны хөх луу жилд, дундад ард улсын Өвөр Монголын өөртөө засах орны Ордос хотын Үүшин хошууны сүлд сумны шар усан гол /Сухайн гол/-ын урьд их шаврын цайдмын Манруг булаг, эдүгээн рашаан тохойн зах дахь “Хотол төгссөн төв болох хамгийн мэдэгчийн бошгийг үзүүлсэн их шавар”-ын баруун дэнж дэх язгууртан бат дархан хун тайжийн гэрт мэндэлжээ. Тэднийхэн бол Батмөнх даян хааны гуравдугаар хөвгүүн Барсболдын отгон хүү Гүнбилиг жононы хойчис мөн. Даруй Саган сэцэн бол Чингис хааны хорин хоёрдугаар үеийн ач мөн.

Саган сэцэн хорин есөн хавар намрын урт удаан хугацааны цагийн оюун санаа ой ухаанаа зарцуулж дэлхий нийтийн монгол судалгааны гурван тулгар бичгийн нэг болох “Хаадын үндэсний эрдэнийн товч”-ийг 59 насандаа бичиж үлдээсэн нь дэлхийн монгол судалын чухал эх болж үлдсэн.

“Эрдэнийн товч” нь: “Тэнгэр дэц заяав үүдсэн хаадын алтан ураг, цагаан түүх нарт тууж болой”, “Энэтхэг, Төвөд, Монгол 3 улсын хаадын тууж”, “Энэтхэг, Төвөд, Монголын цагаан түүх нэрт тууж”, “Хааны шар дэвтэр”, “Монгол хаадын тууж”, “Саган сэцэний найруулсан чадагчийн цадиг Юан улсын мэдсэн төрийн хөх судар”, “Саган сэцэний сэтгэлийн цэнгэл”, “Монгол язгуурын түүх”, “Өгөөлэй эрдэнийн эрх”, “Монголын урсгал бичиг”, “Тэнгэрийн

заяагаар үүдсэн хаадын алтан ургийн цагаан түүх нэрт эрдэнийн товч”, “Чадагчийн цади, Чингис хааны шаштир” зэрэг олон өөр өөр нэртэйгээр хадгалагдаж ирсэн бөгөөд сүүлд Саган сэцэний өөрийн бичсэн “Хаадын үндэсний эрдэнийн товч” буюу товчлоод “Эрдэнийн товч” хэмээх нэрээр онож нэрлэх болсон.

Илтгэгчид: Саган сэцэний товч түүх, “Эрдэний товч” зохиолыг бичих түүхэн шалтгаан, агуулгын товч, судлагдсан байдал зэргийг товчоолон өгүүлж, зохиолын түүх соёлын ул мөрийг өөрсдийн өнцөгөөс задлан тайлбарлаж зохих үнэлэлтийг өгөхийг хичээсэн болно.

Бальчиндоржиева О.Б.

Практическая ценность философии Лао-цзы и Чжуан-цзы в современной системе образования Китая (в контексте идей «жизненного образования»)

Современное китайское общество стоит перед лицом стремительных социальных трансформаций и глобальных вызовов современности. Многие люди, в том числе дети и молодежь (школьники, студенты), нуждаются в ориентирах, которые могли бы помочь в преодолении жизненных проблем, вызванных отчуждением от природы, общества и самих себя. В системе образования КНР в последние годы развивается система так называемого «жизненного образования», основной смысл которой систематическое воспитание у молодых людей любви и уважения к жизни (своей и Другого), формирования межличностных отношений, сознания гармонии с окружающей средой.

Как отмечает Ван Чуньин, «философия Лао-цзы и Чжуан-цзы объясняет истинный смысл жизни с точки зрения «Дао». Даосизм придерживается естественного и простого взгляда на жизнь и считает, что нужно вернуться к естественности, соблюдать принцип недеяния. Нужно правильно познать свою природу и оценить себя, а также стремиться к самосовершенствованию. Чжуан-цзы выступает за «возвращение жизни», что значит следовать природе, законам жизни, что позволяет людям устранять боль, обрести счастье и стараться изо всех сил осознать ценность жизни в ограниченном жизненном пути. В главе 3 «Чжуан-цзы» говорится: «Наша жизнь имеет предел, а знанию предела нет. Имея предел, гнаться за беспредельным губительно. А пытаться употребить в таких обстоятельствах знание — верная гибель. Делая добро, избегай славы; делая зло, избегай наказания. Идя срединным путем, можно себя уберечь, благополучно прожить свои годы, вскормить родных людей, исчерпать свой земной срок». Цель жизни в Дао, согласно Чжуан-цзы, — это не познание, не творчество, тем более не спасение, а «вскармливание жизни» (ян шэн), т. е. именно деятельность, позволяющая реализовать всю полноту жизненных свойств и именно поэтому «превосходящая всякое искусство». В своем трактате Чжуан-цзы учит отходить от оценочности в понимании жизни. Например, он приводит в качестве примера старый дуб — гнилое дерево, бесполезное в глазах мастера, но его бесполезность позволяет ему прожить долго и избежать вырубки. Это вдохновляет нас искать смысл жизни с нашей собственной точки зрения, не слишком полагаться на оценочные суждения других. Чжуан-цзы подтверждает уникальную ценность каждой жизни. Другим типичным примером является Чжан Лишэн. Хотя его конечности были серьезно повреждены, он был освобожден от трудовой повинности, получил облегчение и спокойно наслаждался старостью. Чжуан-цзы учил людей избавляться от чувства жалости к физическим недостаткам, утверждать уникальность каждой жизни. Китайские ученые говорят о том, что этот момент весьма поучителен для современного школьного образования. Многие ученики оцениваются по их результатам тестов и часто страдают от разочарования в результатах тестов, отказываются от себя. Он считает, что способности учащихся на самом деле многогранны. Поэтому жизненное образование, проводимое для студентов, должно терпимо относиться к различиям учащихся, осознавать ценность каждой жизни, раскрывать свой собственный потенциал.

В системе образования Китая вводятся курсы по жизненному образованию и психологическому консультированию, чтобы помочь обучающимся снять стресс, улучшить

их осознание того, как ценить жизнь, заботиться о своем теле. Идея ценности жизни, пропагандируемая Чжуан-цзы, играет важную вдохновляющую роль в изменении некоторых негативных установок и установлении правильного взгляда на жизнь. Акцент делается на духовном совершенствовании.

По мнению китайских исследователей, идея жизненного образования имеет много общего с философией даосизма и может на нее опираться. Даосизм учит следовать природе, познавать природу вещей, совершенствовать себя, предпочитая свободное спонтанное развитие, следование законам природы для совершенствования тела и ума.

Sain Khubitu

Mongolian Fire Worship Texts and Ezen-e Text

Keywords: Fire worship texts, manuscripts, folk customs.

Mongolians treat fire as sacred and hold offerings to it. Banzarov points out that Mongolian fire worship originates from Zoroastrianism on the Iranian plateau. The Mongolian custom of calling the youngest child *odchikin*, or "king of fire," is the same as that of the Turks, and the name can be seen among the Borjigin clan of Genghis Khan's family before the 13th century.

There are few fire worship ceremonies among the people of Mongolia and Buryatia, but they are very popular among the Mongolians in China, and in recent years they have been recognized as a symbol of ethnic culture and public and group ritual activities by administrative organizations have begun to be carried out. Although there are many studies of fire worship in the Inner Mongolian region, where sinicization is progressing rapidly, there are clear regional and research limitations.

This paper summarizes previous research on Mongolian fire worship and presents the entire material known as the ritual books—*galiin sudur*. By comparing fire worship texts in Russian collections and examining similar texts, the author provides an in-depth interpretation of the Ezen-e Text (obtained by the author in 2023). The author clarifies the concept of Mongolian fire worship, explores the emotional significance of the rituals for participants, examines the current state and evolution of these ceremonies, and interprets the current state of Mongolian folk customs in China.

Исаков А.В.

Чингисхан в исторических хрониках бурят и калмыков

В докладе рассматривается специфика образа Чингисхана в бурятском и калмыцком летописании XVIII – начала XX вв. В отличие от монгольских хроник, в которых жизнеописание Чингисхана составляло одну из главных частей, в хрониках бурят и калмыков Чингисхан упоминается лишь эпизодически. Мы предприняли попытку классифицировать эти упоминания на основании того, в каком качестве в них предстает Чингисхан, и выделили три основных аспекта его образа.

Первую группу упоминаний составляют повествования об эпохе единого монгольского государства, под властью которого прежде жили буряты и калмыки. Эта часть исторического нарратива в бурятских хрониках является факультативной (поскольку основное внимание в них сосредоточено на истории отдельных локальных и субэтнических групп бурят), в калмыцких же исторических сочинениях упоминание о государстве Чингисхана можно выделить как устойчивый элемент их структуры. Если монгольские хроники подробно описывают происхождение и биографию великого хана, то бурятские и калмыцкие авторы ограничиваются краткими сообщениями о том, что под властью Чингисхана изначально были объединены разные племена, в том числе – предки бурят и калмыков, чьи исторические судьбы в последующем обретут собственные траектории. Эпоха Чингисхана здесь выступает одним из опорных пунктов для воссоздания истории своего народа, который мыслится частью Монгольского мира.

Второй аспект образа Чингисхана, обнаруживаемый в калмыцких хрониках, связан с его ролью родоначальника привилегированных родов. Так, в «Сказании о дербен-ойратах» Батур-Убаши Тюменя приводится подробная генеалогия знатных ойратских родов, ведущих свое происхождение от Чингисхана. Здесь проявляется типологическая общность с монгольскими хрониками XVII–XIX вв., где также заметное место уделено изложению генеалогии потомков правящего рода. В противоположность этому, в бурятских хрониках не обнаруживаются подобные генеалогические построения, что объясняется иной этнополитической структурой бурятского общества: в нем не было институтов, связанных с наследованием власти и привилегий от средневековых монгольских правителей.

Наконец, третья ипостась Чингисхана, на этот раз специфичная уже для бурятских хроник – это роль исторического героя, чьи деяния связываются с территорией проживания бурят. Пример такого упоминания находим в хронике баргузинских бурят, написанной Цэдэбжабом Сахаровым: ссылаясь на некие предания, он утверждает, что Чингисхан лично бывал в Баргузине. Здесь мы, очевидно, наблюдаем влияние фольклорной традиции: среди бурят были распространены предания, повествующие о визитах Чингисхана в разные районы этнической Бурятии.

Оюунзул Э.

“Оюуны зул хэмээх шастир оршвой” хэмээх тод үсгийн сурвалж бичгийн тухай судлал

Тод үсгийн сургаал шүлэг "Оюуны зул хэмээх шастир оршвой" хэмээх сурвалж бичиг нь сэтгэлийн зургаан тийн мэдэхүйн жижиг үлгэрээр эхлүүлэн бурхны сургаал шүлгийг дэлгэрүүлэн бичсэн байна. Тус илтгэлд энэхүү сурвалжийн тухай нарийн шинжилж, дөрвөн янзын эхийг харгуулан судалж үзээд хадгалагдаж буй байдал, агуулга, үзэл санааны онцлогийн талаас танилцуулна.

Нийт агуулгын хувьд гурван хэсэгт хуваан үзэж болно.

1. Эхний хэсэг 215 мөр. Гол нь "Зүрх бол хаан, таван мэдрэхүйн сайд" гэсэн өгүүлэмжийн хүрээнд харилцан яриагаар дотоод сэтгэлээ шинжлэх, өөрийгөө хөгжүүлэх, өөрийгөө эмчлэх гүн ухааныг илэрхийлж байна. Бичлэгийн хэв загвар нь асуулт хариулт, зөвлөн сануулах, хүмүүжүүлэх, урам зориг хайрлах утгатай юм.

2. Хоёр дахь нь гол үндсэн хэсэг бөгөөд 777 мөр. Нийт зохиолын 67 орчим хувийг эзэлнэ. Энэ хэсэгт гол төлөв Бурханы сургаалыг өгүүлэх, ном сайн сонсох, буян үйлдэх, талархах, номыг хүндлэх, өөрийгөө бясалгах зэрэг өргөн утга агуулгатай байна. Эд бүгд шүлэглэсэн хэлбэртэй.

3. Гурав дахь хэсэг ердөө 8 мөрөөс бүрдэнэ. Агуулга нь товч бөгөөд зохиол бүтээлийн гарал, санаачлагч, зохиогчийн тухай өгүүлжээ.

Тус сурвалж бол тод үсгээрх ном судрын дотроос сургаалын шүлэгт хамаарах ховор төрөл төдийгүй хэмжээгээр мөн томоохонд тооцогдоно.

Ванчикова Ц.П.

О письмах М.Н. Хангалову (1858–1919) в фондах ЦВРК

В докладе будет дана краткая характеристика и анализ эпистолярного наследия Матвея Николаевича Хангалова (1858–1918) – выдающегося бурятского ученого, этнографа и фольклориста, учителя и просветителя, общественного деятеля, одного из первых исследователей ранней истории, этнографии, фольклора и культуры бурятского народа. Он был непревзойденным знатоком и собирателем бурятского фольклора, сохранивший для истории обширнейший корпус памятников самых разных жанров фольклора, начиная от крупных эпических произведений, как Гэсэр, легенд, героических сказаний, заканчивая записями песен, мифов, сказок о животных, описаниями шаманских обрядов и поверий и сопровождавших их обрядовых призываний. Им также были собраны и опубликованы

сведения о происхождении некоторых бурятских родов, генеалогические родословные многих семей. Он оставил огромное творческое наследие. Большая часть собранных им материалов была опубликована еще при его жизни в нескольких томах (1889, 1890, 1903 гг.) и в отдельных статьях. К 100-летию юбилею М.Н. Хангалова учеными нашего института были изданы в 3-х томах его избранные труды (1958–1960), которые несколько раз переиздавались.

Несмотря на то, что большая часть научного наследия М.Н. Хангалова опубликована, во многих архивных коллекциях Иркутска, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ хранятся рукописи его статей, фольклорные материалы, полевые отчеты, дневники, документы личного характера, в том числе, его обширная переписка со многими известными российскими и бурятскими учеными и деятелями, еще не изученные и не введенные в научный оборот.

Его обширное эпистолярное наследие из личного архива, хранящееся в Центре восточных рукописей и ксилографов и отражающее широту научных интересов М.Н. Хангалова, является важным источником для изучения не только его жизни и творчества, но и истории и этнографии бурят, истории науки того периода.

Krisztina Teleki

The Seventh Panchen Lama's Fulfilling and Amending Liturgy (tib. *bskang gso*) to Khangai Khan, Protector of the Khangai Mountains in Mongolia

Several eminent Buddhist monks of Tibet and Mongolia wrote ritual texts in honour of Khangai Khan ("King Khangai"), the minor Dharmapāla, local spirit or "lord of the soil" (tib. *gzhi bdag*) of the Khangai Mountains (4008 m). The Seventh Panchen Lama, Palden Tenpai Nyima (Blo bzang dpal ldan bstan pa'i nyi ma phyogs las rnam rgyal, 1782–1853) wrote three relevant texts for the request of Mongolian monks and aristocrats of the Khangai region. The Tibetan text entitled "Complete Fulfilling and Amending Liturgy to the Lord of the Soil, Khangai Khan" (tib. *Gzhi bdag Hang kas rgyal po'i bskang gso cha lag tshang ba bzhugs so*) is significant in the studies of Tibeto-Mongolian historical and religious connections and mountain veneration practices. It became part of the Seventh Panchen Lama's *Collected Works* and is available in Mongolian collections, too.

The lecture briefly introduces Khangai Khan, and the Panchen Lama's ritual text. According to the colophon, he wrote it in Tashilhunpo Monastery for the request of Gün Delekdorj (1785–1824), governor of Üzen Vangiin Khoshuu banner in Sain Noyon Khan Province, current centre of Övörkhangoi Province in Mongolia. Supposedly it became the main ritual text devoted to the Khangai Mountains used in the main monastery of the banner, Üzen Vangiin Khüree also known as Arvaikheeriin Khüree or Bart Khüree Gandanpuntsoglin as it is used again in the revived monastery, Arvain Khüree Gandanpuntsoglin in Arvaikheer city as part of the monthly rituals devoted to the Dharmapālas (*Sakhius*). The text has great significance among Khangai Khan's ritual texts describing Khangai Khan's celestial palace and four emanations (pacifying, increasing, subduing, wrathful). (The research is going within the project *Religious Landscape of the Khangai Mountain Range*, supported by the National Research, Development, and Innovation Office – NKFIH, FK-138052 of the Hungarian government).

Чүлтэмсүрэн П.

Халхын Цогт хунтайж ба Самьяа бухар хийд

Бурханы шашин нь монголчуудын түүхэнд гурвантаа дэлгэрсэн хэмээн судлаачид үздэг. Тэгвэл XVI–XVII зууны үеийг гурав дахь дэлгэрэлтийн үе хэмээн бөгөөд энэ үеийн дэлгэрэлтийн гол төлөөлөгчийн нэг нь Халхын Цогт хунтайж юм. Цогт хунтайж нь эх Мадэ-Тайху хатны хамтаар бурханы шашныг дэлгэрүүлэх үйлсэд хүчин зүтгэж, бурханы шашны ном зохиолыг орчуулуулах, шашны сүм хийд барих зэрэг үйлсэд идэвхийлэн. Тухайлбал Халхын Цогт хунтайж нь эхийн хамт 1601–1617 оны хооронд Туул голын хөвөөнөө Сэтгэшгүй

чандмань тэргүүт зургаан сүм буюу Самьяа бухар хийдийг барьж байгуулсан нь бурханы шашинд оруулсан томоохон хувь нэмэр юм.

Сэтгэшгүй чандмань хийдийг Энэтхэгийн Одонтапури хийдийн загвараар баригдсан Төвөдийн бурханы шашны анхний хийд болох Самьяа хийдийн загвар архитектурыг дууралган барьсан нь бурханы шашны их мэдлэгтэй лам хуврагууд оролцсон болох нь мэдэгдэж байна. Сэтгэшгүй чандмань нэрт зургаан хийд нь бурханы шашны улааны урсгалын тарнийн ёсны тахилгын сүмүүд юм. Уг хийд нь барагдаж дууссанаас хойш Цогт хун тайжийг Хөхнуур явсаны дараа дотоодын хөл үйлмэн, зөрчилд эвдэрч утсан юм.

Бичеев Б.А.

Обрядовый текст (zöblöl) о практике обращения к Гесер-хану

Гесер как главный герой эпического сказания и как культ поклонения связан с разными аспектами религиозной жизни монголов. Составной частью этого культа являются обрядовые тексты воскурения, восхваления и обращения к Гесеру. На «ясном письме» существует рукопись под названием «Правило практики прошения при встрече с Владыкой Победоносных, Великим Всеведущим сиятельным Гесер-ханом» («Ilayusani erketü yeke хамуги айладуqči Geser хāni gegē üzeküi саqtu zöblöl üyiledüqsen yosu orošibo»). Этот текст на монгольском письме известен как «Сутра о встрече Ламы-эрдени и Гесер-хана» («Blam-a erdeni Geser qaγan qoyar ulayaljagsan sudur orošiba»).

Этот обрядовый текст состоит из следующих разделов:

1. Во время практики тугдам Ламой-эрдени, небо наполнилось сиянием, послышался рокот и звон.

2. Посреди небесного свода (oqtoryui dunda), внутри белого облака (саγān öülen dotoro), предстает белый человека (саγān kümüni), восседающий на коне (möri unuqсан) в окружении бесчисленного войска небожителей, духов, драконов и других демонических существ (tenggeriyin, šumnušiyin, nyani, albin, kluyin ceriq-yēr kürēlen).

3. Лама-эрдени, признав в нем Гесер-хана, громогласно обращается к нему со словами восхваления (maqтан zarliqlād zöblöl üyiledüqsen-dü).

4. Гесер-хан, приподнявшись в стремених, поведал о том, что он в окружении бесчисленного войска небожителей, духов, драконов и других существ, направляется в страну Уддияну (Uḡjini oγon-du), куда он получил приглашение.

5. Гесер-хан велит Ламе-эрдени передать его коренные наставления для людей. Те, кто совершают 10 черных прегрешений, отрекаются от Трех драгоценностей и Учителя-наставника, становятся врагами своих отца и матери, совершают воровство, ложь, разбой и др., окажутся в адской стране и будут подвергнуты страданиям от различных болезней.

6. Ламе-эрдени обращается с просьбой поведать людям способ избавления от указанных страданий. Гесер-хан советует постоянно находить прибежище в Трех драгоценностях, почитать коренного Учителя-наставника, почитать Авалокитешвару как идама и читать мантру шести слогов. Держать обеты, совершать молитву покаяния, принимать обет отречения от греховных деяний, совершать подношение, помогать бедным, почитать родителей, медитировать о скоротечности жизни.

7. Гесер-хан удаляется в страну Уддияну. Ламе-эрдени распространил наставление Гесер-хана во всех странах. Практика правильного восприятия этого текста приведет к встрече с Гесер-ханом или визуализации его во сне. Переписывание, распространение и хранение этого текста уберегает дом от несчастий, защищает от злых духов, лечит от болезней, оберегает домашний скот, имущество и др.

К вопросу об интеграции буддизма в систему современного образования

В исследовании предпринята попытка рассмотреть достаточно новый процесс интеграции буддийского образования в систему светского образования. Повышение интереса к буддийскому образованию связано с геополитическими изменениями, цивилизационными трансформациями, которые происходят сегодня в мире и детерминируют необходимость рассматривать его с точки зрения многополярности, учитывая роль буддийских государств для России.

При анализе вопроса об отношении религии и образования возникает три типа понимания этих отношений. Во-первых, это светское образование, во-вторых, конфессиональное религиозное образование, в-третьих, неконфессиональное религиозное образование. Первый тип – это образование полностью свободное от религии, когда не происходит навязывание религиозных убеждений и утверждается свобода вероисповедания. Конфессиональное образование подразумевает духовное образование, которое ставит целью обучение служителей культа, их воспроизводство. В контексте данной типологии присутствие буддийского образования представлено в виде буддийского образования в монастырях, как светский предмет о философии буддизма в Высших учебных заведениях в рамках дисциплин как «История философии», «Религиоведение», «Философия религии». Буддизм представлен как этнорегиональный компонент школьных предметов «Основы религиозной культуры и светской этики» (ОРКСЭ) и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР).

Современное буддийское образование также сконцентрировано в институтах, созданных при дацанах. Отмечается несколько векторов развития буддийского образования. Первый аспект – это традиционное духовное буддийское образование, второй – изучение буддизма как элемента светских дисциплин, наконец, третий – интеграция буддийских и светских образовательных учреждений.

В заключении определено, что в настоящее время прослеживается государственная политика поддержки буддийских религиозных организаций в их развитии и продвижении буддийского образования.

Солонго Цэгмид

Textual and Illustrative Tradition of Mongolian *Ganzai* Fulfilment Offerings of Mahākāla

Keywords: *Ganzai*, *Gaans*, Offering, Fulfilment, Six-Armed Mahākāla.

Fulfilment offering: Tibetan Kangdze, Mongolian *Ganzai* means wrathful offerings to protectors of Buddhism. The expression *Ganzai* originated from the Tibetan word Kangdze (tib. *bskang rdzas*) meaning “fulfilment offerings, articles of sacrificial offering, a type of *thangka* composition”. It is translated into the Mongolian language as “fulfilling substances” (mong. *qangγayčī ed*, *qangγayčī erdeni*, khalkh. *khangagch ed*, *khangagch erdene*), a composition with depictions of offering substances to a particular deity. Mongolians still call it *Ganzai* based on the original, Tibetan expression. The represented “fulfilment offerings” include various ritual items, elements and offerings. Based on ritual texts it has become a tradition to represent *Ganzai* offerings on painted scrolls, appliqué, block prints, wood carvings, and on the internal walls of Buddhist temples.

Thus, there is a special recitation called *Gaans* in the offering ritual texts devoted to Mahākāla. In Buddhism, *Gaans* or tib. *bskang gso* and *Ganshag* or *bskang bshags* are two important types of ritual texts and practices used during offerings and purification ceremonies. To connect textual and illustrative traditions and to illustrate the textual tradition of *Ganzai* / *Gaans* texts, I will provide the translation of the root text of Mahākāla written by Lobsang Chökyi Gyaltsen, the First (Fourth)

Panchen Lama (tib. Paṅ chen blo bzang chos kyi rgyal mtshan, 1570–1662) in Mongolian translation of the year of 1733 by translators Danzanchoidor (tib. Bstan 'dzin chos dar, 1680? –1740/60), and Choizhams (Chos rgya mtsho, 1660/70–1740?) entitled *Yamanday-a maqakala erlig qayan ökin tngri dörben doysin sudur-un orosiba* [The Sūtra of the Four Fierce Deities: Yamāntaka, Mahākāla, Yama Dharmarāja and Śrīdevī]. The Mahākāla text in this source was transliterated and translated from Classical Mongolian script, with the aim of studying it in comparison with the *Ganzai* illustration of Mahākāla (*Thangka*, RN: 24-2-1529, 46x99 cm) preserved in the Bogd Khan Palace Museum.

Sarantsetseg U.

Some features of roles and images of heroes in Khalkha epics

We have purposed to research the features of inheritances how the images and roles of main heroes in the Mongolian heroic epics are made through own unique features in Oirats and Khalkha nations to show how and who the storytellers consider and express their main heroes and what symbolizes depending on the nature and environmental, climatic, and national features, and distinguishes differences (between Gobi and Khangai areas).

Мягмар Д.

“Бодь мөрийн зэрэг”-ийн “Номлохуй хийгээд сонсохуйн ёс” бүлэг дэх зарим үг, хэллэгийн орчуулгын тухай

Түлхүүр үг: Ойролцоо утга, ойролцоо утгат үг, уугуул үг, ормол үг.

Богд Зонховагийн “Бодь мөрийн зэрэг” бүтээлийн уламжлалт орчуулгуудын талаарх харьцуулсан хэл зүйн судалгаа бага байдаг. Богд Зонховагийн “Бодь мөрийн зэрэг” нь “эртний энэтхэг, төвөд эрдэмтэн бандида нарын их, бага таван ухаанаар туурвисан гурван мянга дөрвөн зуу гаруй зохиолын их цоморлиг болох “Данжуур” номд орсон уламжлалт орчуулгын бүтээлүүдийн нэг бөгөөд 17-р зуунд сонгодог монгол бичгийн хэлээр орчуулагдан модон бараар хэвлэгджээ.

Энэхүү илтгэлд уг орчуулгын “Номлохуй хийгээд сонсохуйн ёс” бүлэг дэх ойролцоо утгат зарим үг, хэллэгийн орчуулгыг Лувсанцэнбэл, Лувсансамдан, Т. Булганы орчуулга болон төвөд эхээс хөрвүүлсэн аман орчуулгын хүрээнд харьцууллаа. Үүнд,

1. Данжуур дахь орчуулгын “Номлохуй хийгээд сонсохуйн ёс” бүлэг дэх зарим үгсийг голлон бусад орчуулгад ямар ойролцоо үгээр сонгосныг харгуулан үзэв.

2. Ойролцоо үгийн сонголт өөр болон ижил буйгаас шалтгаалан эхийн утга, агуулга өөрчлөгдсөн эсэх, тухайн сонгосон үг уугуул болон ормол үгийн алин болохыг ажиглалаа.

Дүгнэлт

- Бидний ажигласан үгс нь орчуулга тус бүрт ойролцоо утгатай өөр үгээр болон ижил үгээр давтагдаж байна.

- Мөн тухайн цаг үеийнхээ бичгийн хэлний идэвхтэй хэрэглэгддэг үгийг төлөөлж байна.

- Уламжлалт орчуулга дахь ойролцоо утгат үгийн сангийн төдийгүй орчин цагийн шашны болон утга зохиолын хэлэнд идэвхтэй хэрэглэгдэж буй хэлний баримт болж байна хэмээн үзлээ.

Акаев М.А., Асланбекова Э.А.,

Махадов А.К., Раджабова Э.Ш.

Ислам и буддизм: история сотрудничества и взаимодействия

На протяжении последних тринадцати с половиной столетий буддисты и мусульмане взаимодействовали друг с другом в культурной, политической, экономической, а иногда и военной областях. Взаимоотношения во всех этих сферах, в зависимости от места, времени, а

также отдельных личностей и правительств, вовлеченных в них, были различными. Большинство исследований посвящены именно этим областям взаимодействия, а не анализу доктринальных отношений. В этой статье, сделав обзор доктринального аспекта отношений в прошлом и настоящем, мы хотим рассмотреть перспективы и основания для будущего диалога. Обсуждение затронет преимущественно буддийскую точку зрения на доктринальные связи, особенно в рамках индо-тибетско-монгольских культурных сфер. Первые связи между буддистами и мусульманами были установлены в середине VII века н.э. на территории современного Афганистана, восточного Ирана, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана во времена правления арабо-омейядского халифата. Омейядский персидский писатель Омар ибн аль-Азрак аль-Кермани пытался разъяснить буддизм своей исламской аудитории. В итоге в начале VIII века н.э. он составил подробное описание монастыря Нава Вихара в Балхе (Афганистан) и основных буддийских обычаев, которые в нем соблюдались, объясняя их с точки зрения аналогичных особенностей ислама. Так, в описании главного храма он сообщает, что в его центре расположен покрытый тканью каменный куб, вокруг которого верующие совершают обходы и выполняют простирания, подобный Каабе в Мекке. Дальнейшее взаимодействие буддийской и мусульманской доктрин прослеживается во второй половине VIII века н.э. в период правления Аббасидского халифата. Халиф аль-Махди, а затем и халиф аль-Рашид приглашали в Дом знаний (араб. Байт ал-хикмат) в Багдаде буддийских ученых из Индии и монастыря Нава Вихара в Балхе. Они поручали им переводить на арабский язык санскритские тексты, прежде всего, по медицине и астрономии. В конце X века н.э. Ибн аль-Надим в «Книге каталогов» (араб. Китаб ал-фихрист) перечислил и несколько буддийских работ, которые были переведены в то время на арабский язык. Среди них была «Книга Будды» (араб. Китаб ал-Будд) – арабское изложение прошлых жизней Будды, которое основано на двух санскритских текстах: «Гирлянда джатак» (санскр. Джатакамала) и труде Ашвагхоши «Деяния Будды» (санскр. Буддхачарита). В буддийской текстуальной традиции исламские обычаи и верования упоминаются только в текстах «Тантры Калачакры», написанных в конце X – начале XI века н.э. Однако эти упоминания относятся не в целом к исламу, а к сторонникам восточного исмаилитского шиизма, который в конце X века н.э. был распространен в Мултани – вассальном государстве Фатимидов в северной части современного центрального Пакистана. Некоторые другие подробности являются попыткой объяснить исламские верования в терминах, понятных буддистам и индуистам, например, описание Мухаммада как воплощение Рахмана очень напоминает Кришну – воплощение (санскр. аватара) Вишну.

Литература Калачакры придает особое значение общим для буддизма и ислама положениям: атомарной природе материи и душам, которые несут ответственность за свои действия. В текстах нет опровержения мусульманского толкования этих понятий, а объясняется, как донести до мусульман буддийскую точку зрения. Нет никаких свидетельств того, что на протяжении следующих столетий мусульманские ученые ознакомились с проблематикой, затронутой в текстах Калачакры, или обращались к ней. Однако, как следует из некоторых исторических работ, они сохраняли интерес к буддизму. В то же время, помимо комментариев, которые толкуют Калачакру, не существует других подтверждений заинтересованности буддистов исламом.

Например, в начале XI века н.э. во времена правления династии Газневидов персидский историк аль-Бируни, который присутствовал при вторжении Махмуда Газневи на полуостров Индостан, на основании своих наблюдений написал «Книгу об Индии» (араб. Китаб ал-Хинд). В ней он описал основные буддийские обычаи и верования и отметил, что индийцы считают Будду пророком. Конечно, это не говорит о том, что аль-Бируни призывал мусульман признать Будду пророком Аллаха, но указывает на понимание автором того, что буддисты не считают Шакьямуни своим Богом. В XII веке н.э. во времена династии Сельджуков аль-Шахрастан в своей «Книге о религиях и школах» (араб. Китаб ал-милал ва нихал) привел такое же описание буддизма, как и аль-Бируни. Подобно предыдущим работам аль-Кермани и аль-Бируни, Рашид ад-Дин объяснял буддизм с точки зрения мусульман. Например, он считал Будду одним из шести религиозных основоположников, которых индийцы называют пророками, из которых

теистические – Шива, Вишну и Брахма, нетеистические – Арханта в джайнизме, Настика в чарваке и Шакьямуни в буддизме. Также богов («дева») он называл ангелами, а Мару – Иблисом, дьяволом. Помимо этого, в тексте говорится о перерождении в шести мирах, кармических законах причин и следствий и о том, что слова Будды собраны в Кангьюре – своде их тибетских переводов.

Рашид ад-Дин сообщил также, что в то время в Иране были распространены одиннадцать буддийских текстов на арабском языке. Они включали тексты махаяны, такие как «Сукхавативьюха сутра» о чистой земле Ами табхи, «Карандавьюха сутра» об Авалокитешваре – воплощении сострадания и «Майтрейявьякарана сутра» о Майтрейе – грядущем Будде и воплощении любви. Однако в описании Рашида ад-Дина встречаются довольно фантастические утверждения. Например, о том, что до принятия ислама жители Мекки и Медины были буддистами и поклонялись идолам в Каабе, которые напоминали Будду.

Немногим более чем сто лет спустя, в начале XV века н.э., Хафиз-Абру, служа при дворе Шахруха династии Тимуридов в Самарканде, написал «Собрание летописей» (араб. Маджма ат-таварих). Раздел этого текста о Будде и буддизме основывался на труде Рашида ад-Дина. В настоящее время при ведении буддийско-мусульманских диалогов основной упор делается на отыскании и подтверждении общих нравственных ценностей, которые смогли бы помочь остановить волну межобщинного насилия в мире. Итак, для того чтобы буддисты и мусульмане смогли объединиться для взращивания мира, гармонии и социальной справедливости не только в двусторонних взаимоотношениях, но и во всем мире, им необходимо и далее исследовать общие этические принципы своих учений и опираться на них. В «Тантре Калачакры» уже указаны такие точки соприкосновения: обе системы признают, что личности несут ответственность за свои действия; последователи обеих систем соблюдают строгую этику.

Трегубова Д.Д.

**«Из истории монгольской письменности XIII – нач. XXI вв.»
(о книге Дугбимы Чимитдоржин)**

Истории монгольской письменности, неугасающей древней письменной традиции вертикального письма, посвящено немало работ исследователей в различных областях знаний. Одна из недавних – книга «Из истории монгольской письменности XIII – нач. XXI вв.» Дугбимы Гомбоевны Чимитдоржин, кандидата исторических наук, научного сотрудника Агинского дацана «Дэчен Лхундублинг». Изучив этот труд с вниманием и большим интересом, хотелось бы поделиться с коллегами некоторыми соображениями о нем.

Актуальность обозначенной темы обоснована и тем, что среди ученых до настоящего времени нет единства по вопросам о точном времени происхождения монгольской уйгурицы, о ее диалектной базе и о племени, заимствовавшем письменность от древних уйгуров, и тем, что пережив значительное количество попыток реформирования, монгольское вертикальное письмо сохранилось до наших дней и продолжает служить средством общения между представителями различных монгольских народов, являясь символом единства монгольского мира.

Споры о прошлом и будущем монгольской уйгурицы не утихают не только в научной среде, но и в широких кругах общества. Адаптируясь к различным условиям и реалиям языковой политики, проводящейся в интересах государств, монгольское вертикальное письмо успешно обретает новые формы, оказывая положительное влияние на сохранение и развитие национальных языков сегодня.

مجلس القضاء الاعلى

**Образовательные практики бурят:
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

В статье вводятся в научный оборот документы из архива Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК ИМБТ СО РАН), которые раскрывают эволюцию менталитета, потребности в знаниях, развитие благотворительности и организацию первых учебных заведений, их доступности для детей среди бурят в условиях имперского периода.

Например, в 1859 г. старосты и старшины 8 хонгодорских, 9 шаранутского и 3 холбутаева родов решили поддержать предложение тайши Баторова в Аларском ведомстве об открытии: для образования – училища, для искоренения разных болезней – больницы, для выдачи в серебре беднейшим и нуждающимся людям – капитала при Степной думе. Был утвержден общественный приговор о сборе добровольных пожертвований на заготовку леса, строительство здания, покупку мебели, инвентаря и учебной литературы. Этот сбор производился после окончания жатвы, в ноябре каждого года с количества десятин, запаханных хлебом, по 20 копеек с каждой.

Также нужно отметить другой интересный документ из этого архива. Это организация «Общества просвещения бурят». Его инициаторами были просветители и ученые: Б.-Д. Очиров, Ч.-Л. Базарон, Б. Барадин. Всего 16 человек. В 1908 г. ими был разработан его устав. Основано оно было в с. Агинском. Целью являлось содействие развитию духовной и материальной культуры бурят и тунгусов Иркутской губернии и Забайкальской области посредством приобщения и информирования людей о достижениях европейской науки, прогрессивных идей в экономике и других сферах жизни, организации как можно большего числа учебных заведений (сельскохозяйственных, ремесленных, грамоты), адаптированных к укладу и языку автохтонов, предоставление материальной помощи учащимся с дальнейшим их трудоустройством, стремление к осуществлению всеобщего обучения, в том числе организация издания периодики, перевод и публикация учебной и другой полезной литературы на родном языке.

Таким образом, введение этих документов в научный оборот позволит дополнить общую картину развития просвещения и благотворительности в бурятском социуме, а также в определенной мере в совокупности с другими материалами будет способствовать популяризации и актуализации богатейшего историко-культурного наследия, хранящегося в ЦВРК.

СЕКЦИЯ 2

Язык, фольклор и литература народов Внутренней Азии.

Башкеева В.В.

Ментальные особенности человека монгольской культуры в образной системе романа И.К. Калашникова «Жестокий век»

Пересечение бурятской и русской культур способствовало рождению важного для литературы Бурятии романа - «Жестокий век» И.К. Калашникова.

Персонажем, в наибольшей степени воплотившим ментальные особенности, концепцию человека монгольской культуры, следует считать главного героя, который как личность проходит путь от Тэмуджина до Чингисхана. Имя героя в восточной традиции – знак этапа в его жизни, акцентированы поэтому имена и статусы: Тэмуджин - хан / Тэмуджин - Чингисхан.

В образах кочевников, представителей родовой культуры огромную роль играет понятие «традиции», которые в условиях бесписьменного бытования актуализируются в процессе воспитания. Одна из незыблемых традиций – понимание человека как представителя рода. Тэмуджин первой части романа «Гонители» ни на минуту не забывает о прадеде, отце, о роде Кият-Борджигинов. Принадлежность к уважаемой семье, роду – основа для формирования личного самоуважения, гордости.

Другая важная мысль - о самоутверждении личности. Нилхе-Сангуну, отчасти Хасару не удалось утвердить себя как достойных сыновей достойного отца. «Самостоянье» личности (Пушкин) вырастает как из традиций рода, так и из уникальности характера героя. «Беспокойная» энергия подростка, личностный потенциал его ощущаются всеми гонителями. Калашников дает главному герою своеобразное зеркало, двойника-противоположность - Чиледу. Герои проверяются чувством собственного достоинства и выбором между жизнью и смертью.

Еще один важный момент – необходимость и даже обязательность преодоления трудностей, приобретение опыта микропоражений и выхода из них. Это реальные трудности выживания: трудная работа, голод, холод, одиночество, страхи, вынужденная аскеза – все это позволяет сильному характеру стать еще сильнее.

В понимание ментальных особенностей человека надо включить и вопрос об истинных потребностях человека - человеческих и биологических. Последние рождаются из аскетизма кочевнического быта, потребности же собственно человеческие – это, прежде всего, потребность быть неодиноким, потребность в своей семье. Уважительное отношение к женщине, прежде всего, к матери, потребность в женщине как умном советнике и человеке душевной глубины являются воплощением неевропейской философии, в которой мужское и женское начало борются за главенство. Эпический мир писателя густонаселен, даже войны, уничтожающие тысячи людей, философски умягаются перед этим ощущением постоянно, незаметно и победительно воскресающей жизни. Теплое ощущение родственных связей, нутряное понимание победительной энергичности («теплости») бытия, при всей его жестокости, пронизывает роман.

В романе много достойных (хан Тогорил, Джамуха, Дэй-Сэчен, Инанча-хан и др.), но мало избранных. Им оказался только Тэмуджин. Дело, очевидно, в том, что именно он более всех других стремится сохранить древние законы степи - освященные ритуалом внутренние установления, связанные с человеческими отношениями. Другая причина избранности героя – напряженность деятельного раздумия о высших законах бытия, постепенное вызревание мысли о том, что для защиты слабых надо быть сильным. Деятельное раздумие героя воплощается в осмысленном действии.

В этом действии герой пытается совершить невозможное. Обратим внимание, в связи с этим на такую конституирующую особенность концепции человека, как размытость понятий «враг» и «друг». Вместо них следует говорить о союзниках и противниках. Большой

исторический мир оказывается лишен прочности нравственных оснований, им управляют законы самосохранения (выживания), безопасности и выгоды. Одна из идей, которые знаменуют превращение Тэмуджина в Чингисхана, связана с попыткой создать иные принципы взаимоотношений между субъектами исторического процесса, создать почву для формирования новой нравственности. Однако сама идея формирования новой нравственности и есть тот момент невозможного, на которое герой осмелился. Быть может, в этом грядущая трагедия Чингисхана, которой посвящена вторая часть романа, не рассматриваемая нами в данной работе.

He Junxuan, Liu Zhiqiang

Buddhist wisdom and Zen interest in Li Shangyin's poems

With the development of "Sinicization" of Buddhism in the late Tang Dynasty, Zen transcended the boundaries between monks and laypeople, becoming increasingly secularized. Influenced by Zen Buddhism and personal experiences, Li Shangyin abandoned Taoism and sought spiritual comfort in Buddhist philosophy and Zen interest. He frequented Buddhist temples, formed friendships with monks, and composed numerous poems and temple inscriptions. In these poems, the poet makes extensive use of Buddhist and Zen scriptures and imagery, transcending the impermanence of the secular world within Buddhist philosophy and Zen interest, and seeking spiritual liberation. However, limited by the poet's own value choices, this kind of liberation is always intertwined with the constraints of secular desires, reflecting the poet's complex and contradictory inner world.

Чертыкова М.Д.

Хакасско-монгольские парные слова в текстах героических сказаний: перспективы исследований

Доклад посвящен выявлению и описанию одного из фрагментов фольклорно-языковой картины мира – тюркско-монгольских лексических дублетов, встречающихся в текстах героических сказаний. В ходе анализа выявлены их функционально-семантические, этимологические и лингвокультурологические особенности. Актуальность исследования обусловлена тем, что лексические дублетные пары, компоненты которых принадлежат разнотипным языкам, до сих пор не становились объектом специального исследования в тюркско-монгольском направлении алтаистики. Выделенные нами хакасско-монгольские дублетные пары представляют собой один из видов эпических форм параллелизма и являются наиболее частотными в языке хакаских героических сказаний. Мы выделили две структурно-семантические категории дублетных пар: равноправные (симметричные) и подчинительные. Равноправные дублетные пары состоят из двух или более компонентов: тюркского и монгольского происхождения. Как правило, монгольские варианты данных дублетных пар в хакасском языке и в языке героических сказаний не используются как самостоятельные лексические единицы. Подчинительные же дублетные пары могут состоять из двух-трех компонентов, где монголизм выполняет определяющую (изъяснительную) функцию. Некоторые монгольские варианты, например, пайзаң «прекрасный, сказочно-красивый», өрге «дворец, замок», с некоторыми отклонениями в семантике прочно закрепились в хакасском языке. Для их описания применялись лексико-семантические, этимологические, структурно-семантические методы.

Подобные дублетные пары представляют собой отдельный лексический пласт в системе парных слов. Рассматриваемые нами хакасско-монгольские парные дублеты имеют свои характерные лексико-семантические особенности, в частности, в сочетаемости находятся в равноправных (симметричных) и подчинительных отношениях. Они не

допускают перестановки слов и внедрения других слов, за исключением некоторых вариантов традиционных клишированных конструкций, которые выполняют определенную синтаксическую функцию. Такие слова являются компонентами нескольких вариантов клишированных предложений. Заимствованные монголизмы, как правило, в хакасском языке не используются как отдельные лексические единицы, хотя они и фиксируются в словаре, но находятся в пассивной сфере языка или же переходят в разряд устаревших и фольклорных слов. В фольклорной системе тюркских и монгольских народов имеется немало перекликающихся концептуальных полей, примером которых является и наш материал. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвофольклористический потенциал и перспективу для будущих исследований на материале других тюркских и монгольских языков и жанров устного народного творчества.

Леонтьев Э.П.

Изучение монгольских сказок на занятиях по русскому языку в монгольской школе

Проблема обучения монгольских обучающихся и студентов вузов русскому языку стала одной из ведущих в современных образовательных практиках. В этом плане грамотное выстраивание системы обучения становится главным камертоном, – человеку «сегодня необходимо научиться жить в условиях множества культур, стать своего рода медиатором, то есть способным вжиться в пространство мировой культуры, понимать знаки, коды культуры, быть востребованным в коммуникации, владеть разнообразными речевыми жанрами, которые помогут успешно преодолевать барьер вхождения в разные тексты, пласты культуры». Частью такой системы является использование на занятиях прецедентных текстов, в которых актуализируется лингвострановедческий материал, отражается национальный менталитет и характер народа, утверждается традиционный нравственный идеал и поведенческие модели. Основная цель занятий не только изучение языка, невербальных форм общения, ориентирование в явлениях и событиях чужой иноязычной культуры, но и формирование «способности и готовности принимать участие в диалоге культур». Сказки наиболее полно освещают представление о мире каждого народа, несут в себе представление об аксиологических концептах и духовных ценностях культуры. Анализируя сказки, монгольские учителя погружаются в культуру русского народа, начинают понимать и принимать его ментальность и отождествлять внутренний мир русского человека со своим собственным, сравнивая со своей родной культурой. Разноплановое изучение сказок Монголии на русском языке, позволяет формировать у обучающихся лингвокультурологические компетенции, что дает им возможность достигать взаимопонимания с представителями иноязычной (русской) культуры и решает задачи коммуникативно-культуроведческой направленности. Вступая в диалог с текстами, учащиеся погружаются в свою национальную культуру через призму русского языка, присваивают ее идеи, ценности.

Мөнх-Отгон Д.

Ноён хутагт Равжаагийн хоёр хэлээр буй зохиолын эх бичгийн судалгаа

XIX зууны нэрт соён гэгээрүүлэгч, буддын гүн ухаантан, яруу найрагч, зохиолч, говийн ноён хутагтын тавдугаар дүр Данзанравжаа нь монгол төвөд хоёр хэлийг төгс сайн эзэмшсэний зэрэгцээ шүлэг зохиолоо ч тэрхүү хоёр хэлээр тэгш чадмаг туурвин бичдэг хосгүй их авьяас билигтэн. Чингэхлээр түүний зохиол бүтээлийг дан монгол хэлээр, дан төвөд хэлээр, монгол төвөд хос хэлээр буй хэмээн үзэж болох юм. Энэ тухай ч манай ахмад эрдэмтэд дурдсаар ирсэн гэдгийг тэмдэглэх хэрэгтэй. Хутагтын монгол хэлээрх зохиолуудын судалгаа харьцангуй

өргөн дэлгэр өрнөсөөр байгаа, харин төвөд хэлээрх бүтээлийн судалгаа нь нэлээд явцуу хүрээнд буюу цөөн тооны эрдэмтэн судлаачид нэг хоёрын зэрэг ном зохиол туурвижээ. Мөн монгол төвөд хоёр хэлээр буй шүлэг зохиолын харьцуулсан судалгаа ч туйлын ховор хомс байгаа ба энэ төрлийн судалгаа шинжилгээний ажил чухал шаардлагатай тул эзнээ хүлээсээр байна. Ноён хутагтын монгол төвөд хоёр хэлээр буй шүлэг зохиолуудын талаар академич Ц. Дамдинсүрэн “... Тавдугаар ноён хутагтын зохиосон “Цаасан шувуу”-аас гадна төвөд монгол хоёр хэлээр бичсэн олон шүлэг байдаг боловч одоо их төлөв үрэгдэж олдохгүй болжээ ...”. (Дамдинсүрэн, 1959: 445) гэж бичиж байсан юм.

Төвөдч эрдэмтэн Ч. Алтангэрэл “... Чухамдаа монгол төвөд хэлний алин дээр урьд зохиосон нь үл мэдэгдэх, Равжаа өөрөө хөрвүүлсэн буюу бусад хүн хөрвүүлсэн нь мэдэгдэхгүй хэдхэн зохиол байна. Үүнд “Үлэмжийн чанар”, “Тэргэл сар”, “Ичиг ичиг”, “Цаасан шувуу”, “Цогт лам” гэх мэт зохиол буй ...” (Алтангэрэл, 1968: 3–4) хэмээн номынхоо удиртгал хэсэгт бичив.

Бас эрдэмтэн Д. Ёндон “... Түүний зарим зохиол төвд монгол хоёр хэлээр тааралдах нь бий. Жишээлбэл: “Үлэмжийн чанар”, “Тэргэл сар”, “Ичиг ичиг”, “Цаасан шувуу”, “Цогт лам”, “Хоосон дууны бархирлага” зэргийг чухам анх ямар хэлээр (төвдөөр үү, монголоор уу) зохиосныг шийдэхэд хэцүү байна” (МУЗТ, 1977: 590) гэж бичсэн удаатай.

Эдгээрийн дээр өмнө дурдагдаж байгаагүй төвөд монгол хоёр хэлээр буй шүлэг ч сүүл үес нэмэгдэх төлөвтэй. Эрдэмтэн Д. Цагааны эмхэтгэн хэвлэсэн “Д. Равжаа. Яруу найргийн цоморлиг” номын дотор “Хоосон дууны бархирлага” хэмээх шүлэг бий. Бүр сүүл үес эрдэмтэн Р. Отгонбаатар “Равжаа хэмээгдэх ламын номлол сургаал оршвой” (rabjiy-a kemegdekü blama-yin nomlal suryalı orusibai:) гэх гарчигтай нэгэн монгол гар бичмэлд буй хоёр шүлгийн талаар хэвлүүлэв (Отгонбаатар, 2019: 28–37). Тэрхүү бичмэлд дээрх шүлгийн өмнө хэвлэгдсэнээс өөр нэгэн монгол шинэ сонин хувилбар эх хамт байжээ. Энэ шүлгийн төвөд эх нь Ч. Алтангэрэлийн “Монгол зохиолчдын төвөдөөр бичсэн бүтээл” доторх 23 дахь шүлэг (Алтангэрэл, 1968: 121–122) мөн юм. Өөр нэгэн төвөд гар бичмэлээс үүний ганц нэгэн үгийн зөрөөтэй төвөд эх байгаа талаар миний бие тусгайд нь жижиг өгүүлэл бичсэн удаатай (Мөнх-Отгон, 2022: 114–121). Чингээд энэхүү шүлгийн хоёр төвөд эх, хоёр монгол эх олдоод байгаа боловч эрдэмтэн Д. Ёндоны дурдсанчлан чухам анх ямар хэлээр зохиосныг судалж тогтоох шаардлагатай. Өөр нэгэн шүлэг нь “Хорин нэгэн хэрэгтэй хэмээх сургаал үг оршвой” гэх нэрээр эрдэмтэн Ч. Алтангэрэлийн төвөд хэлнээс орчуулсан шүлгийн уламжлалт монгол эх байсныг тодруулж өмнө дурдагдсан хоёр хэлээр буй шүлэг зохиолуудын дээр ахин нэгийг нэмэрлэв.

Уг илтгэлд энэ мэтчилэн Ноён хутагтын сүүл үес шинээр олдож мэдэгдээд буй монгол төвөд хоёр хэлээрх шинэ эх бичгүүдийн талаар танилцуулахыг зорилоо.

Халхарова Л.Ц.

«Потерянный» герой в прозе Р. Чойнома

Р. Чойном (1936–1979) – выдающийся монгольский писатель второй половины XX века. Он оставил большое литературное наследие, несколько сборников стихотворений и поэм, романы, рассказы, повести, которые начали издаваться отдельными книгами в последние годы. Отметим, что на русский язык Р. Чойном не переведен, если не учесть некоторые его стихи и поэму «Аяа минии буриад», и для российских читателей почти неизвестен.

В монгольском литературоведении имеется лишь ряд работ о творчестве Р. Чойнома, при этом все они касаются его стихотворных произведений. Если при жизни Р. Чойнома были изданы 4 книги стихов, то его проза, а именно рассказы и повести, написанные в 1960–1970-е годы, стала известной читателю лишь в начале 2000-х годов. Герои рассказов и повестей Р. Чойнома предстают перед читателем потерянными, так и не нашедшими себя и своего места в жизни.

В повести-дилогии «Хара сэсэг» (Черный цветок) показана история падения героя, его деградации. Главный герой – молодой человек по имени Бат, который только начинает жить, однако становится жертвой обстоятельств. В начале повести Бат совсем еще юный, влюбленный в девушку Аяму, еще полный надежд, смело смотрит в свое будущее, связывая его со своей возлюбленной.

Неожиданное предательство Аямы (она уходит к другому), а затем ее возвращение и трагическая смерть, смерть ее собаки Гулгэн – все эти события сломили Бата. Он чувствует себя одиноким, потерянным, отчужденным от общества, ненужным. Он начинает искать утешение в вине, в разгульном образе жизни и вскоре встречает девушку свободных нравов Алтанцэцэг, с которой он пытается забыть Аяму. Бат жертвует во имя этой любви почти всем, работой учителя, своими заслугами чемпиона страны по боксу, ему все равно, однако в душе он понимает, к чему ведет такой образ жизни.

Герой повести Бат максимально приближен к автору. Те же чувства, надрывность, беспомощность, трагизм, одиночество, которые были характерны и для Р. Чойнома, присущи его герою.

Xinxin Bao

The Early Elaboration of the 'Case' Category in Mongolian

This paper examines the evolutionary trajectory of the early Mongolian case category by systematically analyzing three key Qing Dynasty linguistic works: "Ocean of Names" (Öcöken üjüg nomoqadqalya-yin jirüken-ü qarangyui-yi arilyan üiledügči mingyan naran-u gerel kemekü oruşıba), "The Celestial Jewel" (mong. Boyda čhos kyı od zer ber jökiyaysan jirüken-ü tolta-yin tayilburi üsüg-ün endegürel-ün qarangyus-i arilyaγči oyтарыui-yin mani), and "A Brief Explanation of the Mongolian Script" (mong. Mongyul üsüg-ün tolta-ača öcöken jiyaburi bolai).

The study reveals that the early elaboration of the Mongolian case category was theoretically under the dual influence of the Sanskrit-Tibetan grammatical tradition. Its core methodology involved combining the eight-case framework originating from Sanskrit with the descriptive model reflecting the ergative features of Tibetan, and applying this synthesis to the analysis of Mongolian linguistic data.

The initial explorations, exemplified by "Ocean of Names", aimed to establish a morphological system of strict formal correspondence with the Sanskrit-Tibetan case category. Characterized by its prescriptive nature, this approach sought to align Mongolian forms directly with Tibetan ones. In contrast, works such as "The Celestial Jewel" and "A Brief Explanation of the Mongolian Script" represent a shift in scholarly perspective. They moved from the analogical application of an external theoretical framework to an investigation of the internal regularities of the Mongolian case category itself. This transition was not merely a further adaptation of the existing Sanskrit-Tibetan model, but a creative transformation based on the inherent features of the Mongolian language.

This paper aims to reveal the dynamic process of how, in the context of cross-cultural transmission, the concept of 'case' was inherited, adapted, and creatively reconstructed at the intersection of a foreign theoretical framework and the realities of the native Mongolian language.

Ууганбаатар Ж.

Эртний грекийн Дидогийн домгоос Халхын хэцүү То вангийн Хулд уулын домог хүртэлх нэгэн өгүүлэмжийн тухай сурвалжлах нь

Финикийн гүнж, Карфагенийг үндэслэгч Дидона хатны "бухын арьсны чинээ өчүүхэн газар" эзэмшил болгон авсан гэх эртний Грекийн домгийг Монголын зүүн хязгаарт ихэд алдаршсан Тогтохтөр буюу То вангийн Дархан Хулд уулын тухай "шүдлэн үхрийн арьсны

хэмжээтэй газар авсан” гэх домогтой харьцуулан судалж, хүн төрөлхтний домгийн сэтгэлгээ ба түүний шинжлэх ухааны магадлалыг тодруулах, домгийн түүхэн баримтыг шинжлэх ухааны эргэлтэд оруулахыг зорив.

Бадуева Г.Ц.

Тема семьи в бурятских романах 1970-х гг.

Тема семьи играет значимую роль в бурятской литературе. В первых романах, которые исследователи определяют как историко-революционные, представлена в основном патриархальная семья с сильным мужским началом. Сюжеты бурятских романов 1970-х годов, например, «Большая родословная» и «Аргатак ищет хозяина» Д. Эрдынеева, «Разрыв-трава» И. Калашникова, «Год огненной змеи» и «Течение» Ц.-Ж. Жимбиева, «Подлеморье» М. Жигжитова, «Мать-лебедица» и «Время созревания брусники» Ц. Галанова, «Долина бессмертников» В. Митыпова, «Шатун» В. Корнакова, «Жестокий век» И. Калашникова и др., часто построены на истории семьи, вписанной в историю страны. Важным представляется, что в контексте времени с его вниманием к частной жизни человека бытовая сторона жизни отдельной семьи оказывается достойна внимания. Также интересно рассмотреть отход, а порой и отказ от патриархальных традиций, изменения в структуре рода и семьи, роли женщины (она уже не второстепенна), отношений отцов и детей и др.

Ханинова Р.М.

Рассказ Т. Бембеева «Бамб цецг» («Лотос») о Великой Отечественной войне в историко-функциональном аспекте

В творчестве калмыцкого писателя Тимофея Отельдановича Бембеева (1930–2003) «Бамб цецг» («Лотос», 1957) – один из первых рассказов, посвященных теме Великой Отечественной войны. Он получил вторую премию на республиканском литературном конкурсе в связи с 40-летием Октябрьской революции в 1957 г. Рассказ со временем перерос в роман под тем же названием, был издан в 1965 г., в русском переводе Н. Егорова в Элисте в 1966 г., переиздан в Москве в 1969 г. За роман «Лотос» и повесть в стихах «Хохол Джалыков» писатель был удостоен премии комсомола Калмыкии имени Героя Советского Союза Эрдни Деликова в 1971 г. По признанию автора, работая над романом «Лотос», он широко пользовался архивными материалами, воспоминаниями очевидцев и участников описываемых событий. «За каждым образом стоит прототип – реальное лицо, однако это не документальное произведение. В книге есть литературный домysel, некоторые события сдвинуты во времени и пространстве. И не верно было бы искать полное сходство между персонажами романа и теми людьми, которые послужили их прототипами». То же, видимо, относится и к предшествующему роману произведению. Рассказ, повествуя о партизанском движении на территории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны, воссоздает образ комиссара партизанского отряда «Гром» Бадмы Хабановича Адучиева (1911–1942) под кодовым именем «Лотос». Имя героя Бадма с санскритского переводится как Лотос. Повествование ведется от имени рассказчика, встретившего в июне 1955 года на теплоходе земляка-калмыка, как оказалось, бывшего комиссара одного из партизанских отрядов в Калмыкии, знавшего комиссара соседнего отряда Бадму Адучиева. Тот поделился с рассказчиком воспоминаниями о комиссаре Лотосе, о его гибели во время фашистского допроса (на самом деле, расстрелян вместе с другими партизанами). Попутчик хранит, по его словам, с 1942 года засушенный цветок лотоса, который выпал из его записной книжки, тогда и были озвучены воспоминания о прошлом. Показательно, что разговор происходит между калмыками в 1955 году, когда калмыцкий народ, несправедливо обвиненный в предательстве в период Великой

Отечественной войны, еще находился в ссылке. А путь рассказчика пролегал из Аральска в Узбекистан.

Булгутова И.В.

**Стихи памятника «Эрдэнийн сан субашид»
в творческом переложении Д. Улзытуева**

В сборнике Д. Улзытуева «Эрьесэ» (1968) были опубликованы 38 субхашит из памятника «Эрдэнийн сан субашид» в авторском переложении на современный бурятский язык. При их сопоставлении с первоисточником выявляется ряд авторских художественных решений.

Омакаева Э.У.

**Заемствованная лексика в переводных ойратских версиях буддийских текстов:
«Прибежище», «Гимн Таре» и «Субхашита»**

В переводных ойратских версиях буддийских текстов довольно многочисленна иноязычная лексика. Основной пласт буддийской терминологии формируют заимствования из санскрита и тибетского языка. Заемствованная санскритская терминология имеет свои особенности, связанные с ее иноязычным происхождением, с разными путями проникновения слова в ойратский язык: устный или письменный, непосредственно из языка-источника или через язык-посредник (уйгурский или тибетский). Объектом нашего исследования являются ойратские переводы Зая-пандиты Намкай Джамцо таких сочинений, как «Иткл йовулх йосн» (букв. 'Закон продвижения веры'), «Гимн 21 Таре» и «Драгоценная сокровищница изящных изречений» (457 четверостиший) известного тибетского ученого XIII в. Сакья-пандиты Гунга Жалцана (1182–1251) в сопоставлении с тибетским оригиналом и монгольскими версиями. Выбор не случаен. Текст Прибежища – это самый важный текст для рецитации, так как Прибежище / Иткл (ойр. itegel) – это дверь, ведущая в учение (буддизм). В анализируемом тексте «Иткл» нами было выявлено 42 ключевых термина, указаны их санскритско-тибетские параллели (ойратская и тибетская графики переданы в латинской транслитерации). Текст «Гимн 21 Таре» был опубликован в переложении с ойратского на современный калмыцкий язык 30 лет назад (Омакаева 1995), но на русский язык были переведены только 2 первые главы (Омакаева, Куюкинов 1994; 1995). Терминология, представленная в рассматриваемых нами памятниках как выражение буддийского мировоззрения, тематически разнообразна. Существуют различные подходы при разработке семантической классификации буддийской лексики. В докладе предпринимается попытка ее дифференциации с выделением основных тематических кластеров буддийских терминов: 1) наименования важнейших понятий буддизма: например, парамита (санскр. *rāgamitā*, парамита даяния, ойр. *ögligö*, калм. *өглһ*, тиб. རྒྱལ་ལྔ་ 'даяние'); 2) термины, обозначающие предметы буддийского культа, храмовой утвари, монашеского облачения, архитектурные и культовые объекты и сооружения; 3) номинации субъектов по их отношению к вероучению (буддийские священнослужители, миряне, еретики); 4) медицинские и астрологические термины; 5) наименования буддийских обрядов и ритуалов; 6) имена собственные: антропонимы, агеоантропонимы, топонимы, эклизионимы, зортонимы, библионимы, космонимы, астронимы, зоонимы, мифонимы, теонимы (имена божеств). Необходимо четко разграничивать проприальную и апеллятивную лексику. Особый интерес вызывает перевод теонимов. Так, в монгольской (Эрдэнийн сан Субашид) и ойратской (*Subha seda kemekü sudur orosiboï*) версиях Субхашиты имя Вишну переводится различно. В отличие от монгольского перевода, где фиксируется воспроизведение санскритского имени (Вишнүү), в ойратской версии мы видим кальку: тибетский термин *gos-ser-can* переведен дословно — Шар девлт 'В желтой одежде'. Такой

перевод вполне оправдан: Питамбара (носящий желтые одежды) — одно из имен Вишну. Вишну одет в желтые шелковые одежды. Исследования буддийской терминологии несостоятельны без глубокого изучения буддизма в целом как многомерного феномена и буддийской языковой картины мира как точки пересечения двух важнейших знаковых систем — религии и языка, который ее обслуживает.

Литература

Омакаева Э.У. Гимн 21 Таре. Переложение с ойратского на современный калмыцкий язык и перевод на русский / Калмыцкая астрология. Молитвы (Хальмг зурха. Мөргүл). Элиста, АПП «Джангар», 1995. 176 с.

Омакаева Э.У. Субхашита — драгоценность изящных изречений «Субхашиты» // Шамбала. 1994. № 2 (в соавторстве с Куюкиновым С.Б.).

Омакаева Э.У. Субхашита: вторая глава // Шамбала. 1995. № 3–4 (в соавторстве с Куюкиновым С.Б.).

Эрдэнийн сан Субашид. Цахар гэвш Лувсанчүлтэмийн орчуулга ба тайлбар (= Драгоценная сокровищница Субашид. Перевод и комментарий Чахар-гэбши Лувсанчултима) / Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1958. 197 с.

Subha seda kemekü sudur orosiboï (= 'Сутра под названием «Субхашита»'. Перевод Заяпандиты Намкай Джамцо) // Тод усгийн дурсгалууд / ред. А. Лувсандэндэв, ботийн ред. Х. Лувсанбалдан. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх уйлдвэр, 1976. Х. 17–63.

Ханинова Р.М., Джаджиева Д.А.

«Свой» – «другой» – «чужой»

в повести О. Манджиева, Н. Нимбуева «Мальчишка с бантиками»

Повесть «Мальчишка с бантиками», созданная молодыми соавторами Олегом Манджиевым и Намжиллом Нимбуевым в Москве в 1970 году, когда они учились в Литературном институте им. А.М. Горького, представляет единственный художественный тандем в калмыцко-бурятских литературных контактах. Написанная калмыком и бурятом на русском языке повесть для детей вначале была опубликована в журнальном варианте в «Теегин герл» («Свет в степи», 1974–1975), а затем вышла отдельным изданием в Элисте в 1975 г. Название произведения определено образом главной героини – девочки Сауле из Фрунзе, ставшей своей среди мальчиков бурятского села, куда на каникулах она приехала к своей бабушке. Повесть включает 12 глав, передающих событийный ряд, отраженный в их названиях. Приключенческий сюжет основан на поиске и сохранении артефактов разрушенного буддийского монастыря-дацана близ села Улзыты. Национальная идентичность ориентирована на бурятский ракурс, поскольку действие происходит в Бурятии, топосы и локусы имеют бурятские именованья, персонажи в основном бурятской национальности, кроме киргизки Сауле и ее бабушки Фатимы, нарратив опирается на воспроизведение бурятского быта, культуры, истории, верований. При этом несмотря на то, что один из соавторов калмык, ничего калмыцкого нет в этом тексте. Взаимоотношения «свой» – «другой» – «чужой» структурированы соперничеством и дружбой между сельскими школьниками, знакомством и дружбой между приезжей девочкой-киргизкой и местными мальчиками-бурятами, конфликтом между ворами и милицией. Повествование ведется от лица главного героя Биликто, семиклассника. Мотив первой любви связывает треугольник: Биликто – Сауле – Дашудай. Соперничество между Биликто и Дашудаем за внимание к ним девочки не мешает их дружбе с детских лет, помогает задержать преступников, замышлявших похитить монастырское имущество и продать его артефакты за рубеж. Друзья знакомят Сауле с традициями и обычаями бурят, с национальными праздниками, с ее стороны такое общение ограничено скудными сведениями о родном городе, о легенде про Млечный путь. В то же время наблюдаются экскурсы через реплики персонажей-детей в мировую литературу:

приключенческие романы Фенимора Купера, Майн Рида, А. Дюма «Три мушкетера», рассказы Р. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена», детективы А. Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе, повесть А. Гайдара «Тимур и его команда» и др.

Дашиева Л.Д.

Культ птиц в бурятском фольклоре

В традиционной культуре монгольских народов мир животных и птиц имеет многогранное значение. В современной бурятской фольклористике и этномузыкологии изучение культов животных и птиц пока еще находится на первоначальном этапе изучения. Междисциплинарный дискурс позволит рассмотреть эти культы на основе материалов отечественной и бурятской науки этнографии, этнологии, археологии, религиоведения и фольклористики и, безусловно, будет способствовать выявлению разных семантических уровней изучаемого феномена. В традиционном религиозно-мифологическом мышлении и обрядовой культуре бурят культы животных и птиц отражают одну из ранних религиозных форм – тотемизм. У бурят родо-племенными тотемами были Хун шубуун (птица лебедь) у хори-бурят и хонгодоров, Буха нойон (бык) у булагатов, рыба у эхиритов. В контексте традиционной картины мира представления о природе и космосе, об устройстве мира отражают религиозно-мифологическое мышление бурятского этноса.

В докладе рассматривается мифологический образ птицы загалмай в бурятских улигерах, мифах, шаманских песнопениях и призываниях. По мнению бурятского ученого Д. С. Дугарова, в бурятском языке слово загалмай означает хищную птицу – сокола, ястреба, кречета, кобчика. Изучение семантики образа этой птицы в традиционной культуре тюрко-монгольских народов позволяет предположить Д.С. Дугарову, что синкретический образ оленя-коня-птицы загалмай имеет индоевропейские и индоиранские корни происхождения. Кроме того, рассматривается семантика образа орла, связанного с солярным культом в шаманской мифологии и религии бурят.

Гэрэлмаа Д.

Монгол шунхан Данжуурын тэргүүн ботийн хуучирсан монгол үгсийг ажиглах нь

Данжуурт эртний Энэтхэгийн эрдэмтэн бандида нарын туурвисан 3400 гаруй зохиол буй билээ. 18 дугаар зууны эхэн үед монголын олон нутаг хошуудаас цугларсан 200 орчим хэлмэрч орчуулагч нар Жанжаа Ролбийдорж хутагтын удирдлагаар монгол хэлнээ орчуулан, эмхэлж, бард бүтээлгэн хэвлэн тархаасан байдаг. Гэвч Данжуурыг бүхэлд нь энэ үед анхлан орчуулсан бус өмнөх мэргэдийн орчуулгыг ариутган шүүж оруулсан зүйл ч нэлээд буй ажээ. Өөрөөр хэлбэл Монгол шунхан Данжуурын үгсийн сан нь 14 дүгээр зууны үеэс 18 дугаар зууныг хамарсан тул, эндээс монгол хэлний хөгжлийн түүхэн онцлог, орчуулгын уламжлал, өвөрмөц үгсийн санг ажиглаж болох юм.

Монгол шунхан Данжуурын тэргүүн боть буюу Магтаалын чуулган нь 354 хуудас бөгөөд уг ботид нийт 63 магтаалын зохиол бий. Уг ботийн үгсийн санг ажиглахдаа, төвөд монгол эхийг харьцуулан үзэж эдүгээ утга хэрэглээний хувьд явцуурсан буюу хуучирсан үгсийг түүвэрлэн авч шинжлэх, мөн төвөд эхийн нэг үгийг монгол хэлний хэдэн янзын үгсээр орчуулсан, төвөд хэлний хэд хэдэн үгсийг монгол хэлний нэг үгээр орчуулсан жишээ, давтамжийг судлан бүртгэхийг хичээлээ.

Буддийская лексика в ранних произведениях бурят на монгольском письме, 1930-е гг.

Буддийская лексика рассматривается на примере повести "Časun siγurγan" Ж. Батоцыренова.

Изучение буддийской лексики в ранних бурятских текстах на старомонгольской письменности важно для понимания формирования литературного бурятского языка и влияния буддийской культуры. Повесть Ж. Батоцыренова "Časun siγurγan" отражает тот период формирования литературного бурятского языка, когда в нем еще были устойчивы традиции старописьменного монгольского языка.

Цель - анализ буддийской терминологии в повести с помощью лексикографического и семантического методов. Материалом служит оригинальный текст на старомонгольском письме и его транслитерация, изданные Л.Д. Шагдаровым и Л.Б. Бадмаевой в 2015 году.

В своей работе «Буддийские термины в современном бурятском языке» Л.Б. Будажапова классифицирует буддийские термины «на пять семантических полей – тематических групп с подгруппами». В соответствии с предложенной классификацией буддийской лексики нами выделено 5 тематических групп и добавлена 6-ая группа: 1) общие буддийские понятия, напр., *sünüsün* / *хүнэнхэн* – душа, 2) духовенство и его атрибуты: *γabju lambaγai* / *габжа ламбагай* - лама с ученой степенью, 3) ритуалы: *ergül mörgül üyiledkü* / *үргэл мүргэл үйлэдэхэ* - совершать поклонение с подношениями, 4) культовые предметы: *küji-yin onγuyča* / *хүжын онгосо* - подставка для благовоний, 5) архитектура храмов: *dačang* / *дасан* - монастырь, 6) имена божеств и сакральные пространства: *γamandaγa burqan* / *Ямандага* – Ямантака.

Лексика повести демонстрирует синтез буддийской традиции и живого бурятского языка рассматриваемого периода. Исследование вносит вклад в сохранение языкового наследия, изучение истории бурят-монгольской письменности, компаративистику монгольских литературных и религиозных текстов.

Дашибалова Д.В., Гармаев Б.Б.

Интерпретация понятия *нисваанис* в памятниках монгольской словесности

В докладе показано как термин *нисваанис* (санскр. *nisvanis*, монг. *нясвааняс*) раскрывается в монгольских дидактических текстах и коррелируется в значении «порок, грех». В соответствии с концепцией известного монгольского ученого Ш. Чоймаа буддийское понятие *nisvanis* связывается с «пятью пороками», «пятью ядами», как то: 1. шунал (страсть, вожделение); 2. уур (гнев); 3. мунхаг (неведение, невежество); 4. омог (гордыня); 5. атаа (зависть, ревность). На текстовых примерах (монгольские пословицы, фрагменты из дидактических сочинений Д. Равджи, «Панчатантры» и др.) конкретизируются дихотомические функции *нисваанис* как источника привязанности к миру, заблуждений, омрачений, с одной стороны, так и локальные семантические корреляции в значении «пять пороков», с другой.

СЕКЦИЯ 3

Актуальные проблемы духовной культуры народов Внутренней Азии.

Актамов И.Г.

Постсекулярность и социорелигиозные процессы в Монголии

Исследование посвящено анализу социорелигиозных процессов в Монголии в контексте постсекулярности. Одним из составляющих этого процесса стала «реабилитация» и «возрождение» религии и религиозных институтов, которые стали играть весьма заметную роль в общественных процессах. Буддизм занимает особое место в политической системе страны, хотя согласно законодательству, государство предоставляет равные права всем конфессиям. Политические лидеры Монголии зачастую принимают участие в буддийских ритуалах, иногда сами инициируют социально-религиозную деятельность. В обществе существует запрос на формирование государственной идеологии, и в качестве очевидного варианта рассматривается буддизм как объединяющий всех монголов базис, на основе которого возможна консолидация населения и разных политических сил.

Исследовательский интерес представляет выявление особенностей реинституционализации буддийской культуры в новых социальных, экономических и политических условиях преобладания городского населения, изменения образа жизни, формирования современной демократической системы и новых международно-политических условий.

Примечательно, что после всплеска интереса к буддизму на волне демократических преобразований 1990-х гг. и роста количества последователей (около 80% населения страны), всего через десять-пятнадцать лет буддистами считают себя всего 48% граждан. В целом исследователи отмечают рост количества неверующих среди молодежи. Поскольку средний возраст населения Монголии не достигает 30 лет, то данная тенденция будет сохраняться. Вместе с тем, политическая элита понимает, что необходим взвешенный подход в религиозной политике в молодежной среде не только с точки зрения консолидации нации, но и решения вопросов экстремизма и терроризма.

Донец А.М.

Формирование срединной позиции ума в прасангике традиции Гелуг

В докладе обсуждаются положения, на основе которых в философской школе мадхьямака-прасангика традиции Гелуг формируется срединная позиция ума, благодаря которой обеспечивается приемлемость философских построений и обеспечивается возможность обретения непосредственного постижения подлинной истины и обретения положения Будды. Показано, что эти положения суть следующие: 1) все дхармы лишены истинности; 2) признание истинности – суть неведение как корень сансары; 3) лишенность истинности сама лишена истинности; 4) посредством обычного доказательства невозможно правильно установить лишенность истинности; 5) для одоления признания истинности над «давать ему отпор» посредством прасанг; 6) для одоления признания истинности надо «давать отпор» его объекту посредством обычных доказательств; 7) правильным взглядом является «средний взгляд», а правильным философствованием – условное.

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)
«Высшие королевские постановления» как источники по изучению тайского
буддизма XIII–XXI вв.: эволюционный аспект

Работа посвящена изучению жанра документов «Высшие королевские постановления» (тайск. พระบรมราชโองการ, *phra borom ratcha ongkan* – формальный акт монарха) как важного источника по истории буддизма и государственности Таиланда XIII–XXI веков. Основной целью является прослеживание эволюции этих документов от простых публичных деклараций до конституционно регламентированных актов.

В исследовании выделяются четыре ключевых этапа:

1. Период Сукхотай (XIII–XV вв.) характеризуется публичными декларациями монарха, примером которых является каменная надпись короля Рамакхамхаенга (1292 г.), внесенная в реестр UNESCO «Память мира».

2. Период Аюттхая (XIV–XVIII вв.) отмечен формированием разнообразных типов указов: «королевские руководства» (*phra tamra*), «дворцовые уставы» (*phra thammanun*) и административные постановления (*phra ratcha kamnot*). Их первая систематизация осуществлена в «Законе трех печатей» (1805 г.).

3. Ранний Раттанакосин (конец XVIII – начало XX вв.) знаменуется терминологическим нововведением — появлением термина *phra borom ratcha ongkan* для повелений коронованного монарха и учреждением официальной публикации указов в «Королевской газете» (тайск. ราชกิจจานุเบกษา, *rachakitchanubeksa* – государственный бюллетень). Через этот механизм проводились реформы королей Рамы IV и Рамы V: денежная реформа, отмена рабства и судебная централизация.

4. Конституционный период (с 1932 г.) предполагает четкое разделение королевских актов на три категории: формальные *phra borom ratcha ongkan* (акты промугации законов, назначений и помилований), чрезвычайные постановления *phra ratcha kamnot* (с временной силой закона, требующие парламентского одобрения) и подзаконные декреты *phra ratcha kritsadika*. Все акты требуют контрасигнатуры (тайск. ผู้รับสนองพระบรมราชโองการ, *phu rap sanong phra borom ratcha ongkan* – подпись ответственного министра) и проверяются Конституционным судом Таиланда.

Методология исследования базируется на источниковедческом анализе (эпиграфика, рукописи, печатные документы) и формально-юридическом подходе к компетенции и статусу документов в правовой системе. Также используется буддологический анализ концепции дхармараджи (санскр. धर्मराज, *dharmaṛāja* – «праведный король») для изучения религиозно-политического контекста постановлений.

Исследованием установлено:

1. постепенное усложнение и формализация жанра, сопровождавшаяся сохранением сакральной буддийской основы;
2. использование публичной публикации указов как инструмента легитимации модернизационных реформ;
3. перенос политической ответственности от монарха к правительству в конституционный период при сохранении буддийской основы легитимности власти.

Перспективы дальнейших исследований включают:

1. лингвистический анализ церемониального королевского лексикона;
2. структурно-содержательное изучение текстов постановлений;
3. сравнительный анализ аналогичных королевских актов в других буддийских монархиях с целью выявления региональных и конфессиональных особенностей развития этого жанра.

Тексты и учение категории ламрим: трансляция и место в современном мире

Тибетские тексты категории ламрим появились как комментарии к «Светильнику» индийского махапандиты Дипамкара Шриджняна Атиши (982–1054) и формулируют концепцию «постепенного пути к Просветлению». Она представляет собой в сжатом виде дхарму Будды, как последовательную систему махаянской практики, состоящую из трех этапов.

Такие тексты появляются во всех школах – ньингма, сакия, кагью и гелуг. Особую роль в распространении буддизма на территории Монголии, Бурятии и Калмыкии отводится школе гелуг, где насчитывают 18 основных текстов ламрим, из которых «восемь великих текстов» считаются особенно важными. Это «Большой ламрим», «Средний ламрим» и «Краткий ламрим» Дже Цонкапы. На основе них были составлены дальнейшие руководства и записи-примечания к учению ламрим. Это «Сущность очищенного золота» третьего Далай-ламы Сонама Гьяцо, «Собственные слова Манджушри» пятого Далай-ламы Лосанга Гьяцо, «Путь к блаженству» и «Быстрый Путь», написанные, соответственно, Панчен-ламой I Лосангом Чокьи Гьялценом и Панчен-ламой II и «Сущность превосходных речений» Дакпо Ринпоче Наванг Дракпы.

Данная комментаторская традиция продолжалась вплоть до XX в., и на данном этапе существует сотни текстов, опирающиеся на какой-либо из «восьми великих ламримов» и исследующие отдельные его темы, либо передающие в виде записей сжатый смысл базового текста – «Большого Ламрима» Дже Цонкапы.

В тибетской коллекции ЦВРК хранятся «восемь великих ламримов» представленные 92 единицами хранения, а также 93 различных наименований комментариев к ламриму в количестве 192 единицы хранения.

В прошлом, в Монголии и Бурятии ламрим традиционно изучался на отдельном факультете монастыря. В настоящее время в тибетских монастырях Индии ламрим изучается дополнительно под руководством настоятелей и видных мастеров. Особую традицию устной передачи ламрим представляют учения Его Святейшества Далай-ламы XIV. В 2012–2015 гг. прошли учения по 18 коренным текстам ламрим, на которых присутствовало значительное количество европейцев и россиян. Большинство современных тибетских мастеров школы гелуг, выбирают ламрим для преподавания буддийского учения мирянам. Таким образом, ламрим становится основным руководством для наставлений мирян по всему миру.

Батомункуева С.Р.

Нартанский Кангюр в тибетском фонде ЦВРК

В тибетском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее ТФ ИМБТ) сосредоточено одно из крупнейших в мире хранилищ буддийского письменного наследия, включающее ксилографы и рукописи на тибетском языке. Особое место в ТФ ИМБТ занимает буддийский канон – Кангюр (тиб. Вка 'gyur), который представлен пятью различными редакциями (это ксилографические издания: Деге, Нартанг, Пекин, Чоне, Урга, а также, несколько рукописных). В докладе рассматриваются ксилографы Кангюра нартанского издания, хранение которых в ТФ ИМБТ значительно превосходит остальные издания по количеству. На сегодняшний день хранящиеся в ТФ ИМБТ ксилографические издания Кангюра нартанской печати не были введены в научный оборот и не подвергались детальному анализу. Это открывает уникальные возможности для исследования, поскольку данное хранение может предоставить ценную информацию, позволяющую выявить влияние нартанского Кангюра не только на развитие буддизма в регионе, но и на процессы формирования бурятской буддийской книжной культуры. Это может стать основой для

дальнейших исследований, направленных на изучение влияния буддийской литературы, в особенности, канона Кангьюр на общество и культуру бурят в целом.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №24-28-00275 «Тибетский буддийский канон: комплексное археографическое изучение и создание базы данных»).

Доржиева Д.Л.

Вклад Чогьюр Лингпы в историю традиции *риме*

Доклад посвящен вкладу Чогьюр Дечен Лингпы (1829–1870) в историю традиции *риме*. Он был открывателем учений-кладов и одним из главных тертонов в истории Тибета. Чогьюр Лингпа сыграл одну из важных ролей в культурном и духовном возрождении несектарного движения *риме*, которое получило широкое распространение в Восточном Тибете в XIX веке. Его вклад в развитие этого движения был значительным и способствовал укреплению межконфессионального диалога и взаимопонимания в регионе.

Чогьюр Лингпа, подобно своим соратникам, придерживался несектантского подхода, принимая и почитая различные традиции тибетского буддизма. Он получал учения и посвящения от учителей разных школ, включая нyingма, кагью и сакья, и передавал их своим ученикам. Его терма включали практики, охватывающие широкий спектр буддийских учений, что делало их доступными для последователей разных школ.

Чогьюр Лингпа не только открывал терма, но и активно занимался их распространением, обучая многочисленных учеников и основывая монастыри. Он был известен своей харизмой и способностью вдохновлять людей на духовный путь. Его учения оказали глубокое влияние на многих выдающихся буддийских деятелей того времени, включая Джамьянга Кьенце Вангпо и Конгтрула Лодро Тхае, которые также были ключевыми фигурами в движении *риме*.

Чогьюр Лингпа оставил после себя огромное наследие в виде терма, которые продолжают изучаться и практиковаться и по сей день. Его учения переведены на многие языки и доступны для последователей буддизма по всему миру. Он считается одним из самых важных тертонов в истории Тибета, и его вклад в развитие традиции *риме* неocenim.

В заключение, Чогьюр Дечен Лингпа был выдающимся духовным лидером и тертоном, чья деятельность сыграла важную роль в возрождении и укреплении несектантского движения *риме*. Его стремление к гармонии и взаимопониманию между различными буддийскими школами, а также его обширные терма, оказали глубокое влияние на духовную жизнь Тибета и продолжают вдохновлять людей на духовный путь и в наши дни.

Хартаев В.В.

О сочинении Панчен Соднам Дагпы «История старой и новой Кадампы» (тиб. bka' gdams gsar rnying chos 'byung)

Сочинение Пенчен Соднам Дакпы (тиб. paN chen bsod nams grags pa, 1478–1554) представляет собой важный образец тибетской исторической литературы в жанре чойчжун. Это литературное направление отличается стремлением к глубокому анализу исторических событий и фигур, оказавших значительное влияние на развитие тибетской буддийской традиции. В данном произведении автор исследует ключевые моменты формирования и развития двух значимых школ тибетского буддизма — кадампа и гелук.

Кадампа, основанная великим учителем Атишей, сыграла важную роль в распространении буддизма в Тибете. Атиша, будучи выдающимся наставником и философом, внес значительный вклад в адаптацию буддийских учений к тибетскому контексту, что позволило создать устойчивую основу для дальнейшего развития буддизма в регионе.

В свою очередь, гелук, основанная Цонкапой, стала одной из наиболее влиятельных школ тибетского буддизма. Цонкапа, как выдающийся реформатор, акцентировал внимание на важности дисциплины и глубокого понимания философии буддизма. Его усилия привели к созданию системы монастырей гелукпинского направления, которые стали центрами обучения и духовной практики по всему Тибету.

Произведение Пенчен Соднам Дакпы не только акцентирует внимание на этих двух значительных фигурах, но и подробно описывает развитие гелукпинских монастырей в различных регионах Тибета, что позволяет лучше понять, как живые традиции буддизма укоренились в тибетской культуре и продолжили развиваться, формируя уникальную духовную и образовательную среду.

Миягашева С.Б., Базаров А.А.

**Буддийские парма в коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов
ИМБТ СО РАН: иконография Намсарая**

Ключевые слова: буддийское искусство, парма, тханка, Намсарай, Вайшравана, ксилография.

В докладе рассматривается уникальная буддийская коллекция ксилографических изображений парма Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Представлен анализ различных иконографических вариантов изображения божества Намсарая, включая распространенный сюжет «Найман Намсарай» и редкий образ «Нордог Намсарай».

В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН помимо обширной коллекции письменных памятников на монгольском и тибетском языках, хранится буддийская коллекция, включающая в себя буддийские иконы тханка (живописные) и парма (оттиски).

Парма (тиб. d'par-ma) – это иконы, отпечатанные ксилографическим способом с деревянной матрицы бар на хлопчатобумажном полотне. Подобные иконы с предварительно отпечатанными контурами в технике эстампа или ксилографии, имеют монохромный контур, и затем нередко раскрашивались водяными красками.

Среди ксилографов с буддийскими изображениями определенный интерес представляет образ Намсарая – бога богатства, бодхисаттвы и дхармапалы. Намсарай (санскр. Вайшравана) относится к одному из наиболее почитаемых божеств в бурятском буддизме. Многоаспектность образа повлияла на разнообразие иконографических сюжетов.

В буддийской коллекции парма ЦВРК выявлено девять икон с разными сюжетами Вайшраваны. Самым популярным сюжетом в бурятской буддийской живописи является «Найман Намсарай», т.е. Намсарай со свитой из восьми якшей, едущих на лошадях. Также обнаружены две разновидности работ с одиночным образом божества: Намсарай в одеждах и украшениях царевича или бодхисаттвы; Намсарай в полном одеянии военачальника в панцирных доспехах. Еще одним сюжетом является «Нордог Намсарай» («Владыка драгоценностей»). Согласно исследованиям А.Ж. Бальжуровой, «Нордог Намсарай» относится к редким сюжетам, неизвестным большинству верующих. Таким образом, иконография Намсарая показывает многообразие художественных интерпретаций одного образа, что свидетельствует о глубокой традиции буддийского искусства. В целом, буддийская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов представляет собой уникальный пласт искусства, отражающий богатство буддийской культуры и искусства Бурятии.

**К вопросу о подготовке специалистов по философии буддизма
в государственном вузе**

Проблема сохранения культурного наследия заслуженно и справедливо относится к числу наиболее актуальных и сложных. Человечество во все времена предпочитает жить настоящим, часто забывая или игнорируя уроки прошлого, обращаясь к ним в большинстве случаев лишь в кризисные периоды собственной истории, когда возникает настоятельная необходимость поиска выхода из трудноразрешимых, опасных, порой экзистенциальных ситуаций и вызовов. Именно тогда памятники прошлого, устные и письменные, становятся практически единственным источником информации об опыте предшественников, посчитавших когда-то нужным и даже обязательным запечатлеть свои размышления, открытия, обретенный багаж мудрости в языке и тем самым сохранить их для потомков. Трудно переоценить значимость культурного наследия ушедших эпох. Без него человечество не имело бы шанса двигаться по спирали прогресса. Поэтому так важно во все времена уметь сохранить, аккумулировать и транслировать опыт, достижения и знания прошедших эпох, что давно стало одной из центральных задач гуманитарной и общественной научной мысли.

Для народов Внутренней Азии ее история и культура теснейшим образом связаны с буддизмом. Последний, философия и древнейшая мировая религия, неизменно привлекает внимание множества людей, стремящихся к пониманию основ буддийского учения, изложенного в многочисленных письменных источниках, давно ставших предметом исследования и интерпретации ученых и философов. Сегодня к истинам буддийского вероучения стремятся прикоснуться все более широкие слои мирян. Однако для получения достоверной информации эти бесценные письменные источники нуждаются в профессиональной интерпретации, базирующейся на прочном и достоверном фундаменте знаний, специальном профессиональном образовании, получить которое с недавних пор появилась возможность в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова. Здесь в Восточном институте уже с 2024 года реализуется образовательная программа уровня бакалавриата по направлению «Философия», профиль «Философия буддизма». Сегодня, по прошествии первого учебного года, уже можно сделать выводы о ее промежуточных результатах, проблемах и планах на будущее. Им и будет посвящен настоящий доклад, представленный вниманию специалистов, изучающих письменное наследие народов Внутренней Азии.

Цыбенков Б.Д.

**Обращение представителя Тибетского правительства в РСФСР Агвана
Доржиева об оказании помощи голодающим Калмыкии (ноябрь 1921 г.): к изучению
архивного источника**

Доклад посвящен изучению письменного наследия известного буддийского деятеля, представителя Тибетского правительства в РСФСР Агвана Доржиева. Автором анализируется малоизвестный архивный источник - обращение А. Доржиева, направленное в ноябре 1921 г. из Москвы в Центральный Бурят-Монгольский комитет помощи голодающим Советской России. Выяснено, что с конца июля по сентябрь 1921 г. буддийский иерарх находился в Калмыцкой автономной области, где им было отмечено бедственное положение местного населения. От имени Тибетского правительства А. Доржиев обратился к Центральному Бурят-Монгольскому комитету помощи голодающим Советской России с просьбой об оказании экстренной помощи родственному народу. Им были предложены конкретные меры в виде срочной отправки в г. Астрахань поезда с продуктами в сопровождении специального представителя. Предполагалось передать продукты Калмыцкому Центральному комитету для распределения среди населения. В обращении также отмечалось, что калмыцкий народ на

протяжении 300 лет непрерывно поддерживал культурно-религиозную связь с бурятами и теперь, находясь в тяжелом положении, ждет от них братской помощи. Таким образом, выясняется, что А. Доржиев явился одним из первых организаторов помощи калмыцкому населению в конце 1921 г. Известно, что его инициатива была поддержана Бандидо-Хамбо ламой буддийского духовенства Сибири, который выразил убеждение о добровольном отклике бурят в деле оказания помощи своим единоверцам и сородичам.

На данный момент нами недостаточно изучены материалы по истории Бурятии, подтверждающие сбор средств в бурятских регионах для голодающего калмыцкого населения и отправку поезда с продуктами в Астрахань в конце 1921 или 1922 гг. Поэтому данный вопрос требует дальнейшего изучения отечественной научной литературы по теме исследования, продолжения поиска и анализа архивных документов в фондах ГАЗК и ГАРБ, а также в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Чимитдоржиева Г.Н.

Редупликация и иные явления повтора в тексте «Сокровенного сказания монголов»

В настоящее время в монголоведении отсутствует системное описание разных проявлений повторяемости, что способствовало неопределенности в понимании природы повтора. Редкие разрозненные описания схожих бинарных явлений свидетельствуют, что определенные виды повтора у разных авторов трактуются по-разному.

Основанием для совместного рассмотрения удвоенных форм является внешнее формальное сходство. Однако исследователи признают тот факт, что формально-структурный критерий не объясняет различий и подобные слова в монгольских языках не имеют четких внешних признаков. При этом для того, чтобы не смешивать похожие, на первый взгляд, но не тождественные явления, необходима их дифференциация. Многие считают, что для их дифференциации необходимо опираться на внутренний семантический признак и предлагается функционально-семантический подход.

В докладе мы представим разнообразие схожих бинарных образований в тексте «Сокровенного сказания монголов» – первого из известных исторических и литературных памятников монголов XIII в. Текст как ценнейший уникальный средневековый источник не только по истории монголов, но и по монгольскому языку, позволит нам сделать исторический экскурс для отражения процессов словопроизводства, основанных на приеме повтора, выявления их особенностей. В числе таких образований редупликация, повторы, тавтология, сочетания однокоренных слов, аналитические конструкции, парные слова.

Помимо этого, при осмыслении таких слов, которые имеют внешнее формальное сходство либо общим в их строении является наличие двух рифмованных компонентов, мы представим причины их совместного рассмотрения и аргументы, по которым такое сближение невозможно. Общий прием повторяемости в этих смежных явлениях побуждает рассматривать их системно, что позволит нам понять реализацию природы повторов в монгольских языках в целом.

Николаева Н.Н., Сундуева Е.В.

Об одном тексте из коллекции Г.Д. Санжеева в ЦВРК ИМБТ СО РАН

В общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН имеется небольшая улигерная коллекция, записанная известным лингвистом, монголоведом Г.Д. Санжеевым в 1928 г. в Аларском аймаке Иркутской области. Рукописные эпические тексты хранятся в нескольких папках под инвентарными № 2224 а, б, в, г, д. Это улигеры «Табатай наһатай Төөлэй мэргэн»

(зап. от Арбота Геленкенова, улус Куйта, Унгинский хошун Аларского аймака), «Орээ хэнзээ Улаандай мэргэн» (зап. от того же сказителя), «Алак-Булак басаган» (зап. от того же сказителя), «Эрэ Дохлээ баатар» (зап. от Шагды Савранова, улус Булут, Унгинский хошун Аларского аймака), «Өбөгө Болдо хаане Булган Толгээ хүбүүн» (зап. от Николая Тужинова, улус Средняя Куйта, Унгинский хошун Аларского аймака), «Эрэк-Дүрэк басаган» (зап. от того же сказителя), «Ужа һамган» (зап. от того же сказителя). Тексты даны в академической транскрипции, с учетом долготы, глухоты, редукции, палатализации звуков, и передают мельчайшие оттенки диалектного произношения сказителей, тем самым представляя большую научную ценность не только для фольклористов, но и для лингвистов. Подробные аннотированные описания текстов на русском языке (кроме «Ужа һамган»), содержатся в книге Д.А. Бурчиной «Героический эпос унгинских бурят. Указатель произведений и их вариантов» (Новосибирск, 2007).

Если шесть вышеперечисленных текстов представляют собой классические образцы унгинской эпической традиции, то «Ужа һамган», объем которого составляет всего 180 стихов, относится к другому жанру. В рукописи под названием имеется определяющая запись собирателя – бог онтохо (бог ‘сор, мусор, грязь, нечистоты; хлам, что-то ненужное’; онтохон ‘сказка’). Знакомство со стихотворным сюжетом позволяет утверждать, что данную сказку можно отнести к жанру народного эротического фольклора. При этом довольно явно прослеживаются комические мотивы с ноткой абсурдного юмора. Сюжет таков: женщина по имени Ужа ищет себе мужа и, отвергнув одного претендента, выходит замуж за двадцатипятиголового Хорсогór Харá мангадхая, имеющего огромный penis, которым можно обернуть пятилетнего быка. С мужем мангадхаем они возводят шалаш, рожают много детей, живут охотой и рыболовством на берегу моря. Когда охота становится скудной, решают перебраться на другой берег. Женщина предлагает использовать длинный penis мужа как мост. По нему начинают перебираться их дети. Ворон клюет penis, мангадхай дергается от боли, дети падают и тонут. Родители плачут, затем, сплетя сети из своих волос, процеживают море и достают тела своих детей. Возвращаются в свой шалаш, горюют и умирают. В тексте содержатся довольно выразительные сцены полового акта, подчеркнуто гиперболизированно описываются женские и мужские половые органы. На данный момент это пока единственный обнаруженный полноценный образец эротического фольклора бурят, не считая песен и обрядов сексуально-эротического характера, входящих в свадебную обрядность, иногда завуалированных иносказаниями до полного непонимания не-носителями традиции, а также шаманских песнопений, обращенных к божествам-покровителям семейной жизни, чадородия, деторождения. Хотя в целом в эпическом фольклоре бурят встречаются мини-эпизоды и мотивы промискуитетно-сексуального характера, несущие реминисцентные обрядовые черты и, безусловно, относящиеся к одним из наиболее древних, связанных с мотивами мифологического брака, чадородия и плодородия. Г.Д. Санжеев сумел зафиксировать уникальный текст, поскольку исполнение подобной сказки, безусловно, было табуировано для широкого исполнения и регламентировалось со стороны сказителя, учитывавшего возрастную группу, гендер, социальный статус своих слушателей, а также место и обстоятельства исполнения.

Аюшеева М.В.

Обзор личного фонда Д. Базаржапова из собрания Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Среди личных фондов Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН следует выделить коллекцию Дондока Базаржаповича Базаржапова (1903–1973), как наименее изученную. Это касается как личности фондообразователя, так и его материалов. В скудной биографической записке о Д. Базаржапове указано, что он проработал непродолжительное время в Рукописном отделе Бурятского института общественных наук и оставил небольшое

рукописное наследство, из которого в 1992 г. был сформирован личный фонд под № 21. Всего в фонде насчитывается 62 ед. хр. Большинство материалов составлено на монгольской письменности.

В научном архиве ИМБТ не отложилось личное дело Д. Базаржапова. Однако, материалы из личного фонда Ц. Б. Цыдендамбаева (№ 45), Общего архивного фонда и Научного архива ИМБТ СО РАН кратко освещают деятельность Д. Базаржапова в должности лаборанта Рукописного отдела, участника диалектологических экспедиций.

Основной массив документов личного фонда характеризует его как собирателя письменных памятников бурят-монгольского народа: это рукописи и ксилографы по истории, медицине, буддизму; газеты, учебники, нормативные документы и т.п. Хронологические рамки документов охватывают 1830–1971 гг. Лишь несколько дел относятся к периоду его работы в БИОНе, например, родословная жителей Зугалайского сомона, датированная 1967 г.

Материалы, записанные Д. Базаржаповом, и, главным образом, представленные в фонде Ц. Б. Цыдендамбаева и в Общем архивном фонде свидетельствуют о его интересе к родовой структуре бурят. Им были составлены сводные генеалогические таблицы на основе разных источников.

Дашидондокова Т.Ц.

**Переписка Г. Н. Румянцева с коллегами-востоковедами
(по материалам архивного фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН).**

Георгий Никитич Румянцев (1903–1966) – известный ученый, исследователь-востоковед, внесший значительный вклад в развитие бурятской исторической науки в первой половине и середине XX века. Историческая роль личности Г. Н. Румянцева и его вклад в изучение истории и культуры народов Центральной Азии показаны во многих работах отечественных ученых. В 1998 г. в ИМБТ СО РАН состоялась традиционная международная научная конференция «Цыбиковские чтения-7», на которой в рамках «Недели востоковедов» научная общественность отметила 95 лет со дня рождения Г. Н. Румянцева. На пленарном заседании были заслушаны доклады С.Д. Гымпиловой, Ш.Б. Чимитдоржиева, Б.Д. Цибилова, В.Ц. Лыскоковой, посвященные жизни и деятельности Г.Н. Румянцева. Кроме того, личный фонд ученого, хранящийся в ЦВРК ИМБТ СО РАН получил освещение в трудах Ш.Б. Чимитдоржиева, В.Ц. Лыскоковой. Тем не менее, в отечественной науке биография и научная деятельность Г.Н. Румянцева остается недостаточно изученной.

В Центре восточной рукописи и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, в составе личного архивного фонда Г.Н. Румянцева (ф. № 17) сохранились письма от коллег по работе – Бориса Владимировича Семичова (крупнейший тибетолог, советский востоковед, буддолог, индолог, кандидат филологических наук), Федора Александровича Кудрявцева (советский историк-архивист, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова).

Переписка ученых интересна для изучения их жизни и научного творчества, а также для характеристики научной и общественной жизни корреспондентов, их личных взаимоотношений и биографий. Доверительная переписка трех выдающихся советских востоковедов - Г.Н. Румянцева, Ф.А. Кудрявцева и Б.В. Семичова – ценнейший исторический и биографический источник, в котором отражены значимые события научной жизни Бурятии. Представляется, что творческое наследие Г.Н. Румянцева заслуживает дальнейшего специального исследования.

О жертвоприношениях рыбаков ольхонских бурят по материалам С.П. Балдаева

Статья посвящена культурным и историческим аспектам бурятского рыболовства, основана на полевых данных, собранных известным фольклористом С.П. Балдаевым в начале XX века (согласно делу № 1217 фонда № 36, которое включает данные о жертвоприношениях рыбаков двух родов Еланцинского улуса Верхотенского уезда). Основная цель исследования – введение в научный оборот архивного документа, который описывает рыболовный обряд бурят-рыбаков на Ольхоне, связанный с жертвоприношением Хозяину озера Байкал. Для достижения этой цели проведены источниковедческий анализ и перевод текста обряда с бурятского на русский язык. В работе используется социально-исторический подход, который помогает понять контекст возникновения источника. Новизна исследования заключается в недостаточной изученности наследия С.П. Балдаева и в том, что данный обряд бурят-рыбаков на Байкале ранее не подвергался анализу. В статье приведено полное описание ритуала, текст на бурятском языке и его перевод. В результате исследования была выявлена четкая структура обряда, которая соответствует шаманским тайлаганам, что позволяет отнести его к значительным общественным шаманским ритуалам. Исследование включает анализ обряда жертвоприношения у бурят-рыбаков на Байкале, его перевод и реконструкцию контекстуальных факторов.

Роль традиционных игр шэнэхэнских бурят в семейно-бытовых обрядах

Шэнэхэнские буряты являются одной из этнических групп бурят, в силу объективных исторических причин уже более ста лет проживающих на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия КНР. В процессе вынужденной миграции, различных социально-политических событий, они смогли сохранить и развить традиционную культуру, которая в настоящее время представляет собой самобытную составляющую бурятской и общемонгольской культуры. Буряты активно включились в социально-культурные процессы. Обычаи и традиции модернизируются и обретают другую форму, в определенной степени меняется их содержание. Некоторые обычаи утрачивают свое значение, постепенно выводятся из активного использования и могут перейти в разряд архаичных и неактуальных. Большую роль в традиционной культуре бурят играют народные игры как особый элемент жизненного цикла. К числу таких игр можно отнести «Стрельбу из лодыжек», «Борьбу за обладание подушкой невесты» и «Прятанье кольца». В настоящее время эти игры стали редко использоваться среди молодежи, и в перспективе могут быть вовсе утрачены. В рамках данной статьи предпринята попытка провести анализ упомянутых игр с точки зрения их содержательных и морально-нравственных основ, определение их роли в жизненном цикле шэнэхэнских бурят. На сегодняшний момент еще не было отдельных исследований, посвященных описанию и изучению этих игр в научной литературе.